

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Ужасные
невинные

Виктория Евгеньевна Платова

Ужасные невинные

Серия «Завораживающие детективы Виктории Платовой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51392055

Ужасные невинные / Виктория Платова: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-109800-1

Аннотация

Эти люди опасны и порочны, но Макс вынужден на них работать. Запрещенный и рискованный бизнес дает ему деньги на поиски невероятной, волшебной, фантастической девушки Тинатин. Макс встречался с ней лишь однажды. Она одарила его всего лишь поцелуем, но забыть ее он теперь не в силах.

Он мечется по странам. Он видит ее на страницах глянцевого журнала. Он легко убивает всех, кто ему мешает и тех, кто тоже безумно влюблен и хочет разыскать Тинатин. Кровавой работы Макс предстоит немало: все, кого целует эта неуловимая девушка, без ума от нее. Число конкурентов растет.

Проходя весь этот ад вместе с Максом, ты так и не можешь понять, деградируешь ты, сходишь с ума или переходишь на совершенно иной, недоступный простым обывателям уровень.

Содержание

«Моя ночь с Мод»	5
«Случайно, Бальтазар»	133
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Виктория Платова

Ужасные невинные

*Мнения персонажей книги не всегда совпадают с
мнением автора.*

Нужно быть честным, чтобы жить вне закона.
Боб Дилан

«Моя ночь с Мод»

* * *

Спутать Гато и Джан-Паоло так же проблематично, как и подрочить в редакционном сортире. Во всяком случае, в обеденный перерыв. Во всяком случае, для меня. О Гато я знаю чуть больше, о Джан-Паоло – чуть меньше, оба они болтаются на одном-единственном черенке, две вишенки, слегка переспевшие, слегка подгнившие; я моложе их обоих, но вряд ли это можно считать преимуществом. Барбиери.

Барбиери – это и есть черенок. Они носят одинаковую фамилию, хотя и занимаются разными вещами. Джан-Паоло – это «Exotic Nudes», издательство «Taschen», девятнадцать евро из сорока восьми, потраченных в книжном супермаркете «Горски»: два фотоальбома по цене одного, Таити и Сейшелы, никогда мне до них не добраться, никогда – ни до Таити, ни до Сейшел. Слишком много в мире мест, до которых мне не добраться. Слишком много мест, слишком много вещей. Шляпу борсалино мне тоже не носить. Но не только это убивает меня.

Что можно извлечь из шляпы борсалино по здравом размышлении? Кроличьи уши гангстерских войн в Чикаго и

Нью-Йорке; носовые платки, загаженные то ли кровью, то ли томатным соусом; парочку томми-ганов с пятьюдесятью патронами в диске. Каким образом Гато выудил из нее саундтрек к «Последнему танго в Париже» – уму непостижимо. Неизвестно, держал ли он когда-нибудь в руках томми-ган, но с саксофоном управляется будь здоров, шляпа борсалино идет ему так же, как и Аль Капоне, даром что Гато и не итальянец вовсе – аргентинец: сакральные складки у крыльев носа и плохо вымытые волосы выдают его с головой.

Гений с плохо вымытыми волосами – именно так.

Впрочем, Брандо в «Последнем танго...» выглядел еще хуже.

Как выглядит Джан-Паоло, я не имею ни малейшего представления. Зато его сейшельские и таитянские модели... о да, я хорошо их изучил, это, конечно, не повод для дрочки в редакционном сортире, но все же, все же... И неизвестно, что вставляет тебя больше – мужчины или женщины, скаты или *octopus*, песчинки на головке члена или вода, подступившая к соскам. Фрукты тоже выглядят эротично, глянцевые лепестки цветов провокационны, как чулки со швом, глаза мертвых акул полны тоски о несбывшемся, мне остается лишь кружить над всем этим великолепием.

Как стервятнику над падалью.

Круги, которые я с завидным упорством нарезаю, ограничены пространством кадра, цветного, но чаще черно-белого, разглядеть самого Джан-Паоло не представляется воз-

возможным: как и любой уважающий себя бог, он остается вне фокуса, вне досягаемости; может быть, просто прикидывается: татуировкой на ленивой таитянской голени, черепашным панцирем или все тем же octopus, иссушенным на солнце.

У гения и бога не так уж много различий.

Первому просто недосуг хорошенько вымыть волосы, а второй... Второй набивает их песком, рыбьей чешуей, осколками раковин – и делает предметом культа.

Гато и Джан-Паоло – две вишенки на одном черенке, слегка переспевшие, слегка подгнившие, – и они предмет культа. Об этом я вспоминаю всякий раз, добравшись до редакционного сортира. Пейзаж за его окном далек и от Таити, и от Сейшел: глухая стена справа, с десятков немытых окон слева и помойка внизу (три мусорных бака, содержимое которых не вывозится годами). Иногда покой мусорных баков все же нарушается: две, а чаще три сомнительных личности начинают рыться в них в поисках легкой наживы.

Вряд ли Джан-Паоло и три его ассистента (Carlo Modonesi, Fabio Russo, Sergio Valente) бегали бы за ними с фотоаппаратом. Но даже если предположить невозможное – вероятность того, что итальянец (Джан-Паоло, в отличие от Гато, – итальянец) когда-нибудь появится здесь, ничтожно мала.

Вид помойки вдохновляет только меня.

Я единственный, кого он вдохновляет. Единственный из десяти штатных сотрудников журнала «Полный дзен»: иди-

отизм названия не могут искупить ни полиграфия, ни псевдорафинированность статей о джазе и литературной экспансии скандинавов, ни долгоиграющие роад-муви по меню элитных кабаков. Ни даже описание прелестей лондонской подземки и федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия.

Никакого отношения к джазу и федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия я не имею.

Кино – вот чем мне приходится заниматься.

Особых усилий это не требует, знание предмета тоже необязательно: в поисковых системах «Yandex» и «Google» можно найти ссылки на любую интересующую меня киношку. Со всеми интересующими меня именами, обязательно культовыми, на худой конец модными. В среде менеджеров среднего звена, юзеров со знанием веб-дизайна, яппи с кредитами на «Honda HR-V» и владельцев фитнес-абонементов с пару десятков этих недорезанных тамагочи я знаю лично. Из кубиков на их животах можно выстроить пирамиду, они тоннами закупают мебель в «ИКЕА» и назначают свидания у Дома кино. Чтобы потом долго и со вкусом объяснять своим спутникам разницу между Ким Ки-Дуком и Ли Минг-Се, а заодно и разницу между суси-тэмакидзуси и суси-нигиридзуси, а заодно и разницу между японской и китайской чайной церемонией.

Их любимый писатель – Мураками (в позапрошлом году это был Зюскинд, но кто теперь помнит позапрошлый год?).

Их любимая книга – «Американский психопат» (в поза-

прошлом году это был «Алхимик», но кто теперь помнит позапрошлый год?).

Их любимое слово «трэш», как раньше было «кул».

По пятницам они курят кальян.

«Полный дзэн» тоже выходит по пятницам, два раза в месяц. Трех дней мне вполне хватает, чтобы подготовить обзор. Если никто из культовых, на худой конец модных режиссеров не выдает на-гора очередную нетленку. Нетленки требуют более тщательного анализа, более изощренного подхода, «Яндексом» и «Гуглом» уже не обойтись, приходится подключать «Alta Vista» и каталог моего приятеля, Жан-Луи. Жан-Луи, в отличие от Джан-Паоло, – русский, настоящего его имени я не помню, да и вряд ли его кто-нибудь помнит.

«Моя ночь с Мод».

«Моя ночь с Мод» – Жан-Луи с маниакальным упорством хранит верность старому кино, такому французскому, такому черно-белому, что перехватывает дыхание. Не у меня – у него.

Жан-Луи – так звали главного героя, кажется, его играл Трентиньян.

Жан-Луи, или просто Лу – если насосаться пива. Или просто Жан – если совсем не пить; на Трентиньяна Жан-Луи не похож, скорее на Марлона Брандо периода «Последнего танго в Париже»: те же залысины, тот же свалевшийся затылок, та же заезженная фраза после случайной ночи со случайной шлюхой: «Как тебе нравится твой герой?»

Женщины у Жан-Луи не задерживаются, кому нужен си-нефил с поражающей воображение зарплатой работника видеопроката? Собственно, там мы и познакомились – в видеопрокате: я – по одну сторону прилавка, он – по другую; на моей стороне – Озон, Тарантино и «Резня бензопилой в Техасе», на его – Ромер, Риветт и «Случайно, Бальтазар». Повод для знакомства был самым невинным – «Любовное настроение» Кар-Вая; я искал «Любовное настроение» – и нашел его у Жан-Луи, на полке, украшенной самопальным плакатом «АРТ-ХАУС». Тот еще был вечерок, любовным настроением не пахло, совсем наоборот: моя очередная цыпочка бросила меня ради владельца фитнес-абонемента, две недели можно смело считать вычеркнутыми из жизни. Жан-Луи повезло больше: его очередной цыпочке хватило огрызка ночи, кто кого послал – остается неясным, может, все дело в этом сраном фильме.

«Моя ночь с Мод».

«Моя ночь с Мод» – вот откуда ноги растут. Ноги Франсуаз Фабиан¹.

Кто бы сомневался – она и есть Мод. Не то чтобы Жан-Луи целенаправленно искал цыпочку, похожую на Франсуаз Фабиан, таких Франсуаз – девять на десяток, ладно – пусть три, кратное девяти, но все же имеются. Нет, Жан-Луи ищет Мод, именно Мод, никак иначе. Ему нужна ночь с Мод, су-

¹ Франсуаз Фабиан – французская киноактриса. (Здесь и далее примечания автора.)

киному сыну. Хотя...

Никакой он не сукин сын – Жан-Луи. Просто свихнувшийся на кино парень, и что бы я делал без него? Не пропал бы, конечно, клепал бы свои никчемные статейки и дальше, но именно Жан-Луи я обязан своей карьерой в «Полном дзэне». Интеллектуал-борзописец, убойный кинокритик, предмет вожделений студенточек филфака, психфака и факультета математической лингвистики.

Студенточки не впирают меня абсолютно.

Другое дело Жан-Луи. Вот кто вызывает у меня восхищение, иногда граничащее с ненавистью, иногда с искренним изумлением, а иногда мне просто хочется оторвать ему башку и покопаться в ней. Впрочем, я и так знаю, что бы там увидел.

Видеопрокат.

Не тот, в котором сидит Жан-Луи, – жалкий закуток в магазинчике «24 часа», необязательное дополнение к сервелату «Невский», нарезке из севрюги и марокканским апельсинам – не тот, другой. А может, и не видеопрокат вовсе, так – культовое сооружение, храм, костел, мечеть, синагога, с экраном вместо алтаря или с несколькими экранами, неважно. Важна проекция на экран, кино без продыху, все те же «24 часа», только марокканским апельсинам не принадлежит в них ни одной секунды. Единственный прихожанин храма, единственный зритель в зале – Жан-Луи, даже девки при нем нет, грешно лезть под блузку на глазах у Ромера,

Риветта и «Случайно, Бальтазар». Нет ни девки, ни попкорна, мобильник отключен – я бы сдох от скуки.

Жан-Луи не сдыхает.

Кино – единственная среда, в которой он может существовать. В отличие от меня – интеллектуала-борзописца и убойного кинокритика. Я могу существовать где угодно, «Полный дзэн» предоставляет массу возможностей, редакционные корки – не что иное, как пропуск в виртуально-гламурный рай, так, во всяком случае, думают студенточки. Филфака, психфака и факультета математической лингвистики. Среди них нет ни одной Мод, утверждает Жан-Луи, и я ему верю. Мод скорее можно найти в том самом виртуально-гламурном раю, куда я захаживаю пропустить стаканчик-другой. Сорок процентов рекламы, развешанной по кушам, не считая скрытой. А если посчитать – и все восемьдесят наберется, мои обзоры не исключение, это я – я! – заставляю всех этих тамагочи с кубиками на животе откидываться от своих компьютеров, сниматься со своих тренажеров, вырываться из стерильных объятий своих партнеров по бизнесу – и гоню, гоню их. На Ларса фон Триера (жалкое подобие Дрейера, по мнению Жан-Луи, – ваше место в школьном кружке «Умелые руки»). На Квентина Тарантино (фальшивые перепевки «фильм нуар», по мнению Жан-Луи, – ваше место в церковном хоре). На Франсуа Озона (неудачная реинкарнация Фассбиндера, по мнению Жан-Луи, – ваше место в экономклассе). Лично мне ни Тарантино, ни Озон и даром не

нужны, хотя обычно проходят под рубрикой «Смотреть обязательно!». Пиво и кегельбан куда занимательнее, не говоря уже о флирте с цыпочками, далекими и от гламура, и от математической лингвистики. Пробники духов и посиделки в модных клубах – на это цыпочки клюют с не меньшим энтузиазмом, чем тамагочи на слово «культовый». Девять из десяти сотрудников «Полного дзена» – такие же ловчие, как и я, такие же егеря со стажем – поставляют мне подобное добро за здорово живешь: корпоративная солидарность налицо. Пробниками духов и тусней в модных клубах дело не ограничивается, сюда можно приплюсовать скидки в бутиках, ужины за счет полусотни заведений – от задроченного чайного домика до ресторана «ПалкинЪ»; VIP-места во Дворце спорта с последующим молниеносным рейдом за кулисы: «Хай, как насчет автографа для моей крошки?.. Ну как тебе нравится твой герой?»

Я точно знаю, что нравлюсь и без шляпы борсалино. Я – бесплатное приложение к пробникам, клубешникам и скидкам в бутиках; особенно скидки, как тут не понравиться?.. Неизвестно, правда, понравился бы я Мод – *femme fatal* в интерпретации Жан-Луи, – но и сама Мод нужна мне примерно так же, как Озон с Тарантино.

Жан-Луи.

Жан-Луи – вот кто мне нужен по-настоящему.

Жан-Луи с вечно спутанной дикорастущей бородой, с продранными на локтях свитерами (их у него три – и все они

продраны на локтях); с ботинками «Кларкс», выуженными лет сорок назад из французской «новой волны», кажется, им и сносу нет, в каком именно фильме он выудил эти ботинки – остается загадкой. Жан-Луи с его монографией о кино шестидесятых, которая никогда не будет дописана – и он, и я это знаем. «Моя ночь с Мод» – все дело в этом странном фильме, начинать монографию именно с него было большой ошибкой, дальше Жан-Луи не продвинулся, хотя объем уже и составляет две сотни страниц. Иногда, будучи в хорошем расположении духа, Жан-Луи зачитывает мне отрывки. При другом раскладе мне понравилась бы его писанина, но уж слишком много в ней Мод, слишком: Мод такая, Мод сякая, что делала бы Мод во время дождя? а во время прилива? а во время любви?.. Ни одна женщина не стоит двух сотен страниц, даже *femme fatal*.

Объяснять это Жан-Луи у меня нет никакого желания, да он бы меня и не послушал. Застревающая личность, но от этой личности целиком зависит моя карьера в «Полном дзэне». Нет, Жан-Луи вовсе не пишет за меня, как можно было бы предположить, – Жан-Луи за меня думает. Его размышления так же оригинальны, как и его ботинки. То есть, возможно, «Кларксы» и были чем-то обыденным сорок лет назад, но только теперь их фиг достанешь. Мысли, которые достает из своей синефильской башки Жан-Луи, волнуют меня чрезвычайно, ни в каком другом месте ими не разживешься. То, что они касаются совсем другого – полузабыто-

го – кино, не имеет значения. Мне остается лишь заменить фамилии режиссеров, старые на новые, переставить буквы в словах и слова в названиях – и все, дело в шляпе (фасон – по усмотрению, я, как обычно, предпочитаю борсалино). Открытие, которое сделано мной в качестве убойного кинокритика журнала «Полный дзэн», не так уж оригинально, но я пришел к нему сам: людям совершенно все равно, что смотреть, в любом из фильмов, пусть и самых великих – действительно великих, не то что нынешняя постмодернистская дешевка, – в них нет ровным счетом ничего такого, чего бы они не знали или о чем не догадывались, опыт-то у всех одинаковый. И у меня с «Резней бензопилой в Техасе», и у Жан-Луи со «Случайно, Бальтазар», и у цыпочек с «Красоткой», и у студенточек сдушу-гроба-мать-«Догмой». Любое событие можно описать одними и теми же словами, сюжет укладывается в еще меньшее количество слов, важен лишь образ, который при этом создается. Образы – они падают в синефильской башке Жан-Луи табунами, мне нужно выбрать подходящего жеребца, лучше парочку; лоснящихся на солнце, с точеными ногами, с вечно спутанной, дикорастущей гривой (такой же, как и борода Жан-Луи, немного брутальности, немного небрежности не помешает – за это меня и ценят в «Полном дзэне»). Жеребцы покорно следуют за мной – им все равно, за кем следовать. И обвинить меня в конокрадстве некому, единственный, кто мог бы это сделать, – сам Жан-Луи, но Жан-Луи принципиально не читает

глянцевых журналов. Все, что он делает или не делает, имеет принципиальное значение.

Принципиальный антиглобалист, так я подумал о Жан-Луи, когда увидел его в первый раз, антибрендовый мудака, все лейблы на его свитерах истлели, если когда-нибудь и были; ботинки «Кларкс» – это да, но считать их слабым звеном в антиглобалистской, антибрендовой обороне можно лишь с большой натяжкой, тем более из-за стойки ботинки не просматриваются.

Возможно, ботинки и заинтересовали бы «Полный дзэн», особенно его рубрику «Носить обязательно», – но только ботинки. Сами же типы, подобные Жан-Луи, никакого интереса для журнала не представляют. Уж не знаю, что им нужно совершить, чтобы удостоиться хотя бы сноски. Разве что убить Тарантино. Или самим стать Тарантино.

– ...Ну а вам что, уважаемый? «Резню бензопилой в Техасе»?

– Да пошел ты, мудака!.. – Должно быть, я не один такой, кто посылает, – судя по огромному синяку, распolzшемуся по скуле типа. Должно быть, синяк еще больше, чем я думаю, но его истинные размеры скрывает борода.

– ...А у вас есть?

– Нет. То есть была, но сейчас на руках. Вы десятый за последние два часа, кому бензопила нужна позарез.

– Что, такое зашибись кино? – непонятно почему я вдруг вступил в диалог с синяком на скуле.

– Говно. Муть. – Легко читаемое презрение в голосе владельца синяка относится не только к чертовой бензопиле, но и ко мне лично.

– Ясно. А что еще можете порекомендовать?

– В этом же ключе?

– В этом. – Я вижу типа за стойкой копеечного видеопроката насквозь: принципиальный антиглобалист, антибрендовый мудака, неудачник, импотент по жизни. Любой бабе детородного возраста, спросившей у него «который час?», он готов предложить вечную любовь. Круто замешенную на лапше «Доширак».

– Есть еще «Дом тысячи трупов».

«Дом тысячи трупов», галимый трэш. Сеанс релаксации для тамагочи, жаждущих пришить собственному начальнику, чтобы самим занять его место. Именно это я и рекомендовал в свое время верным адептам «Полного дзэна» – посмотреть «Дом тысячи трупов» и посублимировать в тряпочку по ходу пьесы. В неравной борьбе с биг-боссами помогает чрезвычайно.

– ...Нет, его, пожалуй, не возьму. А на каталог можно взглянуть?

Каталог фильмов, который небрежно протягивает урод за стойкой, повергает меня в культурный шок. Кем бы ни был урод, в творческом подходе к делу ему не откажешь. Плохо отпечатанные, неровно обрезанные, скрепленные суровой ниткой страницы стоят годовой подписки на «Полный дзэн».

Да и сам я дорого бы дал, чтобы ко мне в голову хоть изредка приходили такие обороты, – такие обороты набирает лишь новехонький «Порш» владелицы «...дзэна» г-жи Паникаровской, все остальные отдыхают на вьетнамских циночках; все, включая недоносков-яппи с кредитными «Honda HR-V», недоносков-моих-коллег с подержанными иномарками и меня, безлошадного.

Записи в каталоге лишь с натяжкой можно назвать аннотациями к фильмам – изобретательный стеб, камня на камне не оставляющий от их создателей. На месте какого-нибудь занюханного Айвона Рейтмена или Барбета Шредера (попади им в руки брошюрка сходного содержания) я бы повесился. Расстреляв предварительно съемочную группу из винчестера.

– Лихо, – говорю я, расставаться с каталогом мне не хочется, кажется, он намертво прилип к пальцам. – Это вы сочиняете?

– А что?

– Просто лихо. Забавно. У вас единственный экземпляр?

– А что?

– Я купил бы это чтиво.

– Это не чтиво. – Теперь парень вовсе не кажется мне уродом. – Чтиво у метро. На раскладках.

– Так все-таки?..

– Это единственный экземпляр.

– Накропаете еще.

Ему ничего не стоит накropать еще, по глазам видно. По сузившимся от презрения глазам, по воинственно торчащей бороде, по засаленному свитеру; тяжелая артиллерия – ботинки «Кларкс» – из-за прилавка не просматривается.

Принципиальный антиглобалист. Конченный. К тому же противник коммерциализации кинематографа, такие испокон веков протирали штаны в низкорейтинговых высоколобых альманахах типа «Семантики кино», и гроша ломаного они не стоят.

А этот – стоит.

– Вообще-то мне нужен Кар-Вай. – Может быть, хоть это имя, сакральное для менеджеров среднего звена, заставит парня смягчиться. – Кар-Вай. «Любовное настроение».

Мимо кассы, бэбик, мимо кассы. Даже Кар-Вай его не впечатлил. Все, чего удалось добиться, – смазанный жест рукой куда-то позади себя, к самопальному плакату «АРТ-ХА-УС»; «Любовное настроение» я уже заметил и сам, оно зажато между «Пи» и «69». Об этих фильмах я тоже когда-то писал (господи, о каком дерьме я только не писал!), ничего вразумительного в памяти от них не осталось, все перекрыто поздними и такими же бессмысленными наслоениями, теперь «69» для меня – всего лишь поза в сексе, из тех, что заставляют цыпочек нервно хихикать и сжимать колени. «Пи» тащит за собой куда более длинный шлейф ассоциаций, к чему изначально было пристегнуто число 3,14, я, сугубо гуманитарный человек, и не вспомню, но так называется еще

одна колонка, которую я волоку из номера в номер.

«3,14здатое кино».

Смотреть не просто обязательно. Смотреть нужно, даже если ты слепой, даже если слепоглухонемой, даже если у тебя нет видака, а телевизор крякнулся в канун миллениума, даже если ближайший кинотеатр смыло волной, а тот, что подальше, унесло тайфуном и прибило к берегам Японии. Бери билет на чартерный рейс – и вперед, к еще существующим архипелагам с башнями из слоновой кости, dolby surround входит в обязательную комплектацию. Смотрите, бэбики, смотрите, иначе член свернется бубликом и девушки перестанут вас любить – тупых животных, не видящих разницы между Ким Ки-Дуком и Ли Минг-Се.

Самое что ни на есть «3,14здатое кино».

Название одобрено самой г-жой Паникаровской, бывшей музой ночного Староневского; у меня подружка-би, будет скучно – позвони, именно таких откровений ждешь, когда она вызывает тебя на ковер: силиконовые губы, силиконовые сиськи, жопа компьютерной Лары Крофт, костюмчик от Giorgio Armani, в один только шифоновый шарф (батик, ручная работа) вбухано не меньше пятисот баксов. Название принадлежит не мне – штатному литературному критику «Полного дзэна», еврею из Бердичева, выдающему себя за потомка польских шляхтичей с двойной фамилией – обе ее части ни один нормальный человек с первого раза не произнесет. Я так и называю его – 3,14, Пи. С тех самых пор, как

он подарил мне это благословенное сочетание цифр, вряд ли это его собственное изобретение:

в Интернете, где Пи прожигает жизнь, еще и не такое нароешь.

Оставить «3,14» себе Пи не решился, хотя «3,14здатое читиво» смотрелось бы намного эффектнее, чем «Книжный червь». Слишком уж он погряз в своих Хегах, Барикко и Уэльбеках, слишком старательно заглядывал под юбку всяким там Маргарет Этвуд. Совершенно непонятно, когда только он успевает прочесть такое количество всякой лабуды с претензией на новое Евангелие для тамагочи. Учитывая то время, что Пи проводит в Интернете, это кажется нереальным.

Массой полезных и не очень ссылок на массу полезных и не очень сайтов я обязан исключительно ему.

Хотя самую главную ссылку Пи мне все-таки не скинул, я сам наткнулся на нее – совершенно случайно, оказалось недельное отсутствие цыпочек. Порнография в чистом виде, эротические рассказы пользователей, чистоплюй Пи тискает там свои мутные историйки в самые разные разделы: «групповуха по принуждению» в стиле Барикко, «садо-мазо» в стиле Уэльбека, «а в попку круче» в стиле Маргарет Этвуд.

Поганец.

С другой стороны, это тоже любовное настроение. Зажатое сейчас между «Пи» и «69» – интересно, что бы написал о

нем бородатый урод, которого мне так хочется заарканить?

– Стоящий фильм, а?..

– Кому как. Я бы предпочел Риветта.

То, что происходит в следующую секунду, не поддается никакому разумному объяснению; ясность мог бы внести лишь Джан-Паоло Барбиери, окажись он под рукой. Джан-Паоло, мастер стилизованных фотографий, Сейшелы, Таити, песок белее белого, татуировки чернее черного – и между ними масса оттенков: черного, белого.

Парень за стойкой – черно-белый, именно так. Цвет обтекает его, я вижу аляповатые, кричаще-анилиновые коробки кассет, желтушный прилавок, синеву питерского вечера за окнами, но все, что касается парня, выдержано в черном и белом.

Черная борода, черный свитер (был ли он черным секунду назад?), белое лицо, руки на тон темнее – для Джан-Паоло чересчур небрежно, почти непрофессионально, для отрывка из старого кино в летнем кинотеатре сойдет.

Риветт. Вот оно что. Риветт, новая волна.

– Значит, Риветта. Угу. Как у Жака, у Риветта хер оранжевого цвета.

Об этом великом кинематографическом открытии я вычитал на одном лихом сайте (ссылка Пи), вряд ли оно соответствует действительности, но смотрится революционно. Там есть и другие открытия, не менее революционные, никто из великих не забыт, кинодамочкам тоже досталось, Аньес

Варда рифмуется понятно с чем, о Пазолини с Габеном и говорить нечего, «яйца вырвали в трамвае» – самая невинная строка, посвященная кому-то из японцев. Тацуйя Накадаи – вот кому, неплохой, между прочим, актер, а в «Ране» Куро-савы особенно хорош, и фильм впечатляет. Йа плакаль.

– А в глаз? – лениво растягивает слова парень. По-прежнему черно-белый.

– В какой именно глаз?

Это моя коронная фраза, она многих ставит в тупик. Глаза тоже ставят в тупик – один карий, другой светло-зеленый, что, если не только я вижу парня в монохромной гамме, но и он меня? Какими кажутся ему мои глаза?

Черный и один из оттенков черного, про фольклорный хер Жака Риветта лучше не вспоминать.

– Ты меня поймал! – Наконец-то он смягчается, наконец-то! – Никогда ничего подобного не видел. Не линзы?

Этот мастодонт в курсе, что на свете существуют контактные линзы, удивительно!

– Нет, не линзы. Все натурально, как в гомеопатической аптеке... Так продашь мне свой каталог?

– Зачем он тебе?

Зачем? Чтобы натягать оттуда цитат для «3,14здатого кино», вот зачем. Без кавычек, без ссылок на авторство, мои тамагочи будут ссать кипятком от такого буйства фантазии, намеков на альтернативу подогревает физраствор, который течет у них в жилах вместо крови. На пару десятков градусов

как минимум. Если подойти к видеопрокатному каталогу по уму – собранного там хватит на полгода, и париться ни о чем не нужно.

– Зачем он тебе?..

– Никогда ничего подобного не видел. Хочется иметь на руках такой артефакт.

– Любитель кино?

Будь я так же талантлив, как вечный подражатель, певчий дрозд, пересмешник Пи, я обязательно нацарапал бы мутную историю о моих отношениях с кино; раздел «групповуха по принуждению» – самое подходящее для них место, «rescue me, follow me, be nude, baby»² – именно так заманивают в бордели беспечных начинающих шлюх. Я – шлюха далеко не начинающая, бывают моменты, когда меня просто тянет блевать от всего, что когда-либо было воплощено в целлулоиде. Раздобревший на голливудских харчах блокбастер, худосочный, плешивый евроарт, кунг-фуцианская азиатчина – какая разница, кто трахает тебе мозги в порядке живой очереди?..

– Кино? Да я его ненавижу.

Примерно так же, как шлюхи ненавидят своих клиентов.

– Правда? – нестерпимо черно-белый парень смотрит на меня с неподдельным интересом.

– Чистая.

Чистую правду я позволяю себе не чаще раза в месяц, а то и два – все зависит от количества спиртного, принятого на

² «Спаси меня, следуй за мной, будь голой, детка» (англ.).

грудь, и от качества цыпочки, принятой на член: чем глупее цыпочка, тем к большей откровенности она располагает.

– Я тоже его ненавижу. – Парень со мной солидарен, странно. – Но не всё.

Так и есть, рано я обрадовался.

– Риветт, – я подмигиваю парню, вспомнить бы потом, каким глазом: карим, светло-зеленым?..

– Местами Риветт. Но не только.

– Кто еще? – вопрос: какая мне, хрен, разница, кого еще любит эта вошь, устроившаяся на гребне обычной VHS с двадцать пятой копией?

Этот вопрос остается открытым.

– Моно-но аварэ, – произносит черно-белая калька раннего Риветта.

– Не понял...

– Мне нравятся те, кто может воплотить моно-но аварэ...

Их немного.

Ясен перец, их вообще немного – тех, кто может хоть что-то воплотить. Хорошо бы еще и попутно узнать, что же означает таинственное «моно-но аварэ». Слово (или словосочетание) нерусского происхождения точно, скорее оно похоже на строку меню из суши-бара, еще одного фаната Мураками мне не пережить.

– Это Мураками? – вываливаю я на прилавок только что осенившую меня мысль.

– Кто такой Мураками?

Слава яйцам, существуют еще девственные ушные раковины, куда не заполз американо-японский долгоносик, загримированный под актера театра кабуки.

– Писатель. Мураками – писатель.

– Понятно... – При слове «писатель» мой бородатый визави заметно скучнеет. – Нет. Твой Мураками здесь ни при чем.

– Я не знаю, что такое «моно-но аварэ».

– Когда узнаешь – приходи.

Все. Аудиенция окончена, «Любовное настроение» так и осталось лежать на полке с самопальным плакатом «АРТ-ХАУС». Окончание работы видеопроката – 23.00. Сейчас девять вечера, время пива и цыпочек, у меня забита стрела с одной из них, имя напрочь вылетело из головы, так что придется называть ее Баттерфляй, по месту работы.

Бутик «Баттерфляй», безмозглые дамские шмотки. Моя новая цыпочка торгует там бюстгалтерами по цене «боинга», очень эротично.

Я должен встретиться с Баттерфляй на Гостинке для последующего марш-броска в клуб «Абсент» (фейс- и дресс-контроль, клубная карта, кухня – полный отстой, но не жрать же я туда иду в самом деле!). «Абсент» – наводка Лоры Дюмонд. В «Полном дзэне» Лора застолбила за собой раздел «Клубный пиджак», она же является ведущим ресторанным критиком. Если верить Лориным публикациям – клубная

жизнь в ЭсПэБэ³ вертится вокруг стриптизерского шеста в ритме экзотической ирландской джиги. Рэп, техно и хип-хоп Лора ненавидит, «Весну священную» Стравинского, впрочем, тоже – что не мешает ей время от времени выдувать из задницы раскаленную струю пафоса – и по поводу хип-хопа, и по поводу Стравинского.

Но настоящий конек Лоры – рестораны. Дня не проходит, чтобы эта сука не заседала в каком-нибудь кабаке, да что там «каком-нибудь»! – самые крутые, местами элитные заведения в очередь к ней стоят, подталкивая друг друга локтями и дыша на конкурентов кайенским перцем. Никто, кроме Лоры, не может вложить в простенькую статейку на кулинарные темы столько скрытой сексуальности. Кому еще пришлось бы в голову флиртовать с чили-конкарне, щипать за ягодицы поросенка по-нойенбургски и рассматривать соус бешамель в контексте орального секса? Мы пользуемся одними и теми же ссылками, которыеставляет нам Пи, – с той лишь разницей, что Лора делает это более изобретательно, чем я. Она умудряется даже уравнивать оральный секс (в контексте соуса бешамель) цитатами из Ницше и Ортеги-и-Гассета. И Ницше, и Гассет переложены салатными листьями – самый настоящий постмодернизм, тамагочи хавают такие блюда на ура и просят добавки. И ежевечерне набиваются в кабаки, широко разрекламированные Лорой.

Ее любимое словечко – софт-порно.

³ Санкт-Петербург.

Я звоню ей, стоя на эскалаторе в метро:

– Привет, Лора.

– Хай, милый.

«Хай, милый» – еще одно словосочетание, которое она нещадно эксплуатирует, то же самое она сказала бы и г-же Паникаровской; «хай, милый» – вариант унисекса, половых различий Лора не признает, если это не касается кухни. Испано-португальская – всегда женская. Скандинавская – всегда мужская.

– Ты где?

– В «Сегуне». Отличное местечко, не хочешь присоединиться?

– У меня свидание.

– Приезжай с бабой.

Знаю я это «приезжай», двоих Лора уже увела у меня прямо из-под носа, половых различий она не признает, да и против софт-порно в исполнении нашего ресторанного критика устоять трудно, куда уж мне с моими вечно квелими абоне-ментами на неделю иранского и новозеландского кино.

– Хочу проконсультироваться, душа моя... Раз уж ты в «Сегуне». Что такое «моно-но аварэ»?

На несколько секунд в трубке воцаряется сосредоточенная тишина, очевидно, Лора листает меню.

– Ну? – Я слишком нетерпелив, не мешало бы сбавить обороты.

– А у Мураками ты смотрел? – Мы мыслим одинаково,

надо же!.. чего еще ожидать от журналистских погребушек, набившихся в колыбель «Полного дзэна»?

– Это не Мураками, Лора.

– Не Харуки и не Рю? – одни и те же ссылки в Интернете и здесь дают знать о себе.

– Не тот и не другой.

О втором Мураками я даже не вспомнил, а ведь есть и второй, один-ноль, Лора, очко в твою пользу. Рю Мураками – тоже писатель и был экранизирован, читать его скучно, смотреть тошно, «килли-килли» – вот и все, что остается в памяти от звона проволоки, отрезающей конечности.

– Не тот и не другой, Лора.

– А зачем тебе это дурацкое моно-но? Нарвался на интеллектуалку? – Интеллектуалы – застарелая Лорина болезнь, непроходящая, как герпес; охмури интеллектуала – и будет тебе счастье, так, во всяком случае, думает Лора.

– Почти.

– Почти нарвался или почти интеллектуалка?

– Неважно.

– Если хочешь, я проконсультируюсь у знакомых японцев.

«Знакомые японцы» Лоры мне давно известны: нелегал из Шанхая, подвизающийся на чистке овощей в суши-баре на Чернышевской; нелегал из Харбина, раскатывающий тесто для лапши в ресторане «Мао» на Васильевском; нелегал из Чэнду, жарящий бананы в карамели во всех этноточках общепита от Купчино до Петроградки. Лора предпочитает

водить дружбу именно с ними, а не с хозяевами заведений, ее тайная страсть к задворкам мне непонятна, сама же Лора называет это «кулинарным экстримом». Учитывая то затихающие, то вновь возрождающиеся волны слухов об атипичной пневмонии, – это и правда экстрим.

– У знакомых японцев? У тех, которые китайцы?..

– Пошел ты, – шипит Лора, но тут же смягчается: – Хайяю. Я спрошу об этом у Хайяю.

Хайяю, конечно же, как я мог забыть, Хайяю – тяжелая артиллерия Лоры, вряд ли его можно назвать нелегалом, одно я знаю наверняка: никакого отношения к кулинарии он не имеет. Еще три года назад Хайяю орудовал допотопным дыроколом в одной из японских корпораций; его истории, посвященные дыроколу, выглядят самой настоящей классикой хоррора, я едва в штаны не наложил, услышав парочку, во всяком случае, затылок у меня взмок. Точно так же взмок затылок у начальника Хайяю, самого маленького начальника в корпорации – даже уборщица с верхних этажей получает больше, – точно так же взмок затылок: не от страха, от крови, Хайяю саданул по затылку начальника этим самым дыроколом. Преступление так и не было раскрыто, кому придет в голову заморачиваться с дыроколом, я сам его видел – нелепая штука, даже зонтик выглядит предпочтительнее, даже мундштук от тромбона.

Единственное, что привез Хайяю из Японии, – этот проклятый дырокол.

Лора подцепила карманного японского убийцу в магазине канцтоваров на Литейном, оба они положили глаз на одну и ту же пачку бумаги формата А4. К тому времени Хайяо научился вполне сносно болтать по-русски, путаница с предложениями и окончаниями не в счет, предложения и окончания Хайяо заменяет усердным шевелением бровями (в случае с предложениями) и пофыркиванием (в случае с окончаниями).

Хайяо наслаждается собственной безнаказанностью, единственное неудобство его нынешнего положения: он терпеть не может затылки, никакие. А заодно и головы, которым эти затылки принадлежат, а заодно и лица; все, что выше линии плеч, вызывает у Хайяо неприятные воспоминания – так утверждает Лора. Я ни разу не видел глаз Хайяо, в лучшем случае его взгляд упирается тебе в пах.

Хайяо не гомосексуалист.

Так утверждает Лора, некоторое – совсем недолгое – время они были любовниками, Лоре не очень это понравилось, спать с Хайяо оказалось совсем не тем софт-порно, которое она ожидала. Историю короткого секса с Хайяо Лора рассказывает мне в ресторане «Лас-Торрес»: женственная испанская кухня – не лучший для этого антураж.

Как назывался тот фильм, Макс? Тот, со звоном струны, с девочкой «килли-килли»?..

Очевидно, она имеет в виду «Кинопробы» Такеши Миике; Рю, в отличие от Харуки, уже экранизирован, смотреть на это тошно, секс с Хайяо тоже показался Лоре тошнотвор-

ным. «Все японцы – ритуальные убийцы», – по обыкновению Лора обобщает, вывод делается на основе двух сожженных марципанов с фруктами, осторожнее, Лора, от этого может приключиться несварение желудка. Хорошо, соглашается Лора:

«Не все японцы – ритуальные убийцы, но все хотят ими быть».

Отголоски разговора в «Лас-Торресе» выплескиваются на страницы «...дэна» ровно через две недели, очередной кулинарный обзор Лоры валит с ног всех наших тамагочи одним только названием:

«Ritual Assassin»⁴.

Скромные заметки о суши-барах ЭсПэБэ – не обычное софт-порно, скорее хард, хотя о дыроколе не сказано ни слова; никакого Ницше – анимэ, никакого Ортеги-и-Гассета – манга; два разных тела, принадлежащих разным культурам, всегда будут отталкиваться. Две разные культуры в одной постели – всегда убийство.

Ритуальное.

От Хайяо пахнет сырой рыбой, запах не слишком силен: оттого что в последнее время я чаще вижу его спину, только спину. Нынешняя работа Хайяо куда лучше прежней – массажный салон, как водится, нелегальный. Шесть часов в день, кроме пятницы и понедельника, Хайяо массирует чужие ступни, только ступни, в лица смотреть необязатель-

⁴ Ритуальный убийца (англ.).

но, какое облегчение! Он – единственный мужчина в салоне среди полудюжины женщин, он – единственный японец среди полудюжины китайок из Шанхая, Харбина, Чэнду; он – единственный, кто говорит по-русски.

Теперь, когда интимный эпизод с Хайяо закончился, Лора ходит к нему в салон, массаж ступней – ни с чем не сравнимое удовольствие, даже от секса такое редко получаешь, так утверждает Лора. Может быть, это и есть то самое софтверно, которое она ищет?..

– ...Я спрошу у Хайяо, Макс. Повтори-ка мне эту абракадабру еще раз.

– Моно-но аварэ.

– До связи, милый.

...Цыпочка из «Баттерфляй», как и положено всем цыпочкам, опаздывает. Один из девичьих, мать их, капризов, которые я не выношу. Раздражаться по этому поводу глупо, выговаривать за опоздание, если она все-таки соизволит прийти, еще глупее. Не слишком умно и торчать у метро: видели бы меня мои тамагочи, наверняка кое-кто из них сейчас ковыряет в носу, стоя в пробке на Невском.

Парень из видеопроката – вот кто никогда не будет ждать. Или это другое ожидание. Размениваться на наблюдательный пост в вестибюле он бы не стал, и почему меня так волнуют его возможные черно-белые предпочтения?.. Он ничего не знает о Мураками, странно, о Мураками слышаны даже сотрудники ДПС, даже собаки-поводыри, даже рыбки

на компьютерных заставках, Пи лично установил мне этот виртуальный аквариум – впечатляет.

Он ничего не знает о Мураками.

Но он и не должен знать, осеняет меня после семи минут ожидания цыпочки, хоть на что-то это ожидание сгодилось. Он не должен просто потому, что в его черно-белом мире Мураками не существует. Еще не существует. Антиглобалист, какая херня! Почему это я решил, что он – антиглобалист? В его черно-белом мире антиглобалистов не существует, еще не существует. Хиппи – вот на кого похож парень из видеопроката, типичный хиппи, со всеми вытекающими: «не верь никому старше тридцати», маргаритки – цветы десятилетия... У кого же я подцепил все эти дешевые познания? У Лоры? У Пи? в поисковой системе «Гугл»?.. Если и так – видеопрокат не место для такого парня, для такой бороды, куда проще представить его путешествующим автостопом. Или просто путешествующим, без всякой цели. Может быть, я ошибаюсь и парень самый обыкновенный индюк, набитый яблоками воспоминаний о «новой волне», – один такой работал в «Полном дзэне», еще до меня. Критик с вгиковским дипломом, и Лора, и Пи его знавали: унылая физиономия, для которой кино закончилось на «Риме» Феллини, наподдать бы ему разок под зад – не Феллини, критику.

Может быть, я ошибаюсь.

Ошибиться нельзя только в одном: цыпочки опаздывают ровно на тринадцать минут. Я вижу свою Баттерфляй выска-

кивающей из дежурной «шестерки», я готов помахать ей рукой, я почти машу, но именно в этот момент звонит мобильный.

Лора.

– Хай, милый. Ты слышишь меня?

– Отлично слышу, Лора.

– Печальное очарование вещей. Печальное очарование вещей – вот что такое твое «моно-но аварэ».

– Спасибо.

– Интеллектуалка уже на подходе?

– Да.

– Удачной охоты.

Охота отменяется. Во всяком случае, охота на бабочек. «Охота на бабочек»⁵ – так будет вернее, побочный эффект моей пахоты в «...дзэне»: я начинаю думать названиями фильмов, уже придуманными до меня. И я все еще вижу Баттерфляй, ножки у нее и правда ничего, впору заводить путеводитель для путешествия по ним – автостопом. В другой раз, бэби, в другой раз, я отлично знаю, что другого раза может и не быть, путеводители – самая покупаемая литература.

* * *

– ...Печальное очарование вещей. Печальное очарование

⁵ Фильм Отара Иоселиани.

вещей – вот что такое твое моно-но аварэ.

– Точно.

Окончание работы видеопроката – 23.00. Я успел как раз вовремя, да что там вовремя – у меня сорок пять минут в запасе. Два прыщавых юнца и нимфетка, толкущиеся у прилавка, меня не напрягают, разве что их жадные пальцы: они терзают каталог, который я уже считаю своим. Они терзают каталог и хихикают, малолетние ублюдки, я бы с удовольствием воспользовался дыроколом Хайяю, вот только чугунным затылком молодняка он вряд ли нанесет ощутимый урон, жаль. Мне остается лишь развлекать себя мыслями о Хайяю, каково это – быть неразоблаченным убийцей и есть ли в этом печальное очарование? Есть ли в этом вообще что-нибудь, кроме самого полустертого факта убийства? Я не видел его глаз, но спина Хайяю несчастной не выглядит.

Нимфетка настаивает на «Красоте по-американски», ее приятели склоняются к «Возвращению реаниматора», значит, будет выбрано что-то третье.

Так и есть, «Матрица. Революция». Они выбирают «Матрицу number 3» и благополучно отваливают. Теперь моя очередь.

– Вернулись за «Любовным настроением»? – Парень преувеличенно любезен, единственное, что меня утешает: от монохромной гаммы не осталось и следа.

В цвете он не слишком привлекателен: грязно-фиолетовый свитер, борода тоже отдает фиолетовым, синяк на скуле

потемнел и оформился, его очертания почему-то напоминают мне дырокол Хайяо.

– Печальное очарование вещей. Печальное очарование вещей – вот что такое твое моно-но аварэ.

– Точно. И что?

– Ты же сам сказал... «Когда узнаешь – приходи». Я узнал. Пришел.

– И что? Что тебе от меня нужно?

– Собственно...

– Ты что – голубой?

Этот вопрос не оскорбляет меня, странно. Может быть, дело в тоне, которым он был задан: никакой издевки, никакой угрозы, никакого сочувствия, что было бы особенно обидно. Парень просто высказывает предположение, неверное, но он и не претендует на истину. Просто высказывает предположение.

– Нет, я не голубой. Каталог. Я купил бы у тебя твой каталог.

– Бери.

– Я заплачу.

– Бери просто так.

Я поверить не могу в его неожиданное великодушие. Но факт остается фактом:

вожделенный каталог переключивается прямиком мне в руки, теперь за карьеру в «Полном дзэне» можно не беспокоиться – во всяком случае, на ближайшие полгода.

– Не возражаешь, если я угощу тебя пивом? Здесь неподалеку есть один симпатичный барчелло. «Пирелли».

Смелое с моей стороны предположение: я видел только витрину, украшенную логотипами шин, собственно «Пирелли» и еще почему-то «Мишлен». Кроме этого на витрине присутствуют номера, снятые с машин где-то в Европе, битые бамперы, искореженная рулевая колонка; сиденье с пятнами бурого цвета – об их происхождении думать не хочется.

Мой новый знакомый оказывается хромым.

Жан-Луи – хромоножка, его русское имя тонет на дне первой же кружки, а в пене второй всплывает именно это: Жан-Луи. Вот почему он не путешествует – из-за хромоты, ботинки «Кларкс» ее только подчеркивают. Зачем хромому такие шикарные раритетные ботинки, цинично размышляю я, пока он втирает мне про «Жан-Луи»?

Мод. Ее зовут Мод. Ты должен ее знать.

Жан-Луи смотрит на меня испытующе, что-то я пропустил, изнывая по «Кларксам», какая еще к черту Мод?..

Ты должен ее знать, говорит Жан-Луи и сдувает пену с третьей кружки.

Я не знаю никого по имени Мод, у меня нет ни одной знакомой француженки, а это явно французское имя; ни одной знакомой француженки, проклятье. Я спал с одной австриячкой, участвовал в групповухе с двумя немками, просидел всю ночь с кенийкой во франкфуртском аэропорту, а до француженок так и не добрался. Все остальные мои цы-

почки – продукт исключительно отечественного производства.

– Это не Риветт, – Жан-Луи подмигивает мне. – Но начинали они вместе.

Тест, так и есть. Я могу сколь угодно долго вешать лапшу на уши своим тамагочи, а этого парня не проведешь.

– Чем ты занимаешься, Макс?

– Особенно ничем. Так... Работаю в одном журнале.

Жан-Луи не пытается выяснить, в каком именно, плевать ему на журналы, плевать ему на все, что не связано с пленкой, это было понятно уже по каталогу, а теперь и подавно ясно – по его нигилистской вздернутой бороде. Плевать ему на все, кроме кино и Мод. Попутно выясняется происхождение синяка – Жан-Луи заработал синяк здесь же, в «Пирелли», несколько дней назад: короткая стычка с залетным байкером по поводу подруги байкера. Байкеру с пьяных глаз показалось, что Жан-Луи не так посмотрел на его подругу, – фигня полная, женщины, подобные байкеровской телке, не интересуют Жан-Луи абсолютно. Какая-то мордатая эстонка, круглые, цвета вылинявшей джинсухи, зенки. К тому же у нее были скобки на зубах. Худая корова при всем желании никогда не станет газелью – это как раз ее, байкеровской подруги, случай. Мод – другое дело, хотя Мод и не газель.

Мод – это Мод.

Как я и предполагал – Мод всего лишь персонаж, я имею дело с сумасшедшим, влюбленным в персонаж фильма. С

тихопомешанным. Впрочем, если бы Жан-Луи-хромоножка влюбился бы в реально существующую женщину, результат был бы тем же: никакого результата. Безответная любовь – удел всех хромоножек. Это не мешает Жан-Луи промывать мне мозги по поводу Мод. О том, как они впервые встретились, это был Ромер, Эрик Ромер, «Моя ночь с Мод», так-то, приятель!..

Одно упоминание о Мод – и борода Жан-Луи успокаивается, становится совсем ручной; кассета с фильмом засмотрена до дыр, сплошные лохмотья, Жан-Луи мечтает о том, чтобы «Моя ночь с Мод» вышла на DVD, сидюки надежнее.

Я устаю от Жан-Луи и его кибенематографических страстей минут через сорок, зря я не отправился в «Абсент» с Баттерфляй, на худой конец можно было бы упасть на хвост Лоре, «Сегун» – не самый последний кабак в ЭсПэБе, но цель вечера достигнута. Каталог. Пару ударных фраз из каталога я засуну в «Смотреть обязательно», пару ударных абзацев – в «3,14здатое кино», и никаких угрызений совести. Судиться со мной из-за мелкой кражи интеллектуальной собственности Жан-Луи не будет, не тот типаж.

Цель вечера достигнута, но если бы дело было только в каталоге, я слинял бы после второй кружки пива, нет, у меня далеко идущие планы насчет Жан-Луи. При правильном подходе из Жан-Луи можно выдоить гораздо больше, чем я только что получил, он знает о кино все.

Или почти все.

...«Не думала, что вы так талантливы, Макс», – говорит мне г-жа Паникаровская ровно через неделю после нашего с Жан-Луи визита в «Пирелли».

Я сижу в ее кабинете с чашкой кофе в руках, чашка – не больше наперстка, это мое третье посещение чертогов Валь-халлы за все время работы в «Полном дзэне», Лора была здесь раз двадцать пять, Пи – около десятка. Силиконовые сиськи г-жи Паникаровской мне по барабану, куда важнее выползшая из ее рта – и тоже отдающая силиконом – фраза: «Не думала, что вы так талантливы»...

Так талантливы, так талантливы – от этого пахнет прибавкой к жалованью.

– Он смеялся. Он нашел вашу последнюю статью забавной. Вы душка, Макс.

«Он» – муженек моей шефины, никто иной. До сегодняшнего дня его видела только Лора – на правах подружки-би, но Лора держит рот на замке. Нефть, тендер, автозаправки – эти слова не имеют никакого отношения к глянцевым потрохам журнала, ими оперирует «он». «Полный дзэн» – «его» подарок дражайшей женушке, не свадебный, просто подарок, без всякой привязки к дате, в ряду многих других. Но инициатива явно исходила от самой г-жи Паникаровской: журнал нужен ей не для того, чтобы забыть многострадальное староневское прошлое, а для того, чтобы постоянно помнить о нем: в «...дзэне» все кричаще, ярко, фальшиво и продажно. Все псевдо... Почти как в борделе.

– Вы свободны сегодня вечером?

Это похоже на непристойное предложение, того и гляди тебе в трусы перекоцует зелень в формате пятидесятидолларовой купюры. Я лихорадочно пытаюсь вспомнить, что же на мне сегодня, а-а, независимый китайский трикотаж «mr. stallion»⁶, на белом фоне красные, улыбающиеся во весь рот мультяшные члены, Хайяо оскорбился бы сходным разрезом членовых глаз. Резинка тоже не выдерживает никакой критики, максимум, что она вообще может выдержать, – несколько сторублевок.

– Э-э... У меня были кое-какие дела... Но в принципе я свободен. Да, свободен.

– Отлично. У нас намечается вечеринка в честь... в честь... – брови г-жи Паникаровской лезут вверх, губы выгибаются подковой, – ...одного фотографа.

Фотограф – явно не Джан-Паоло, иначе я бы знал об этом, я слежу за передвижениями по миру Джан-Паоло и его ассистентов – краем глаза. Фотограф – явно не Джан-Паоло, никакие другие фотографии мне неизвестны, но познания г-жи Паникаровской еще более скудны, а непристойность выгнувшихся подковой губ еще более очевидна, все фотографии в ее воображении – анонимные порносекс-категории «Х».

– Форма одежды?

– Поговорите с Лорой, Макс, она введет вас в курс дела.

Лора тоже приглашена, я чувствую легкий укол профес-

⁶ Мистер жеребец (англ.).

сиональной ревности, странно.

Имя фотографа – Жиль Бенсимон, галстук обязателен, все эти сведения я получаю от Лоры через полчаса; Бенсимон – знаковая фигура в мире fashion, ловец топ-моделей, Наоми Кэмпбелл в ракурсах Бенсимона смахивает на бакалавра, Кристи Терлингтон – на птицу, Клаудия Шиффер – на марципан с фруктами, они смахивают на что угодно, кроме вешалок для платья, все очень витально.

Лучше бы тебе завязать галстук узлом «крстенсен», советует Лора, я и понятия не имел, что у галстучных узлов могут быть названия; однотонный галстук надевать тоже не стоит – скука смертная, у тебя есть что-нибудь приличное?..

Никогда не придавал особого значения галстукам, в моем гардеробе их только три: бордовый с кошками, терракотовый с геометрическими фигурами и синий в мелкий горох. Горох сразу же отмечается Лорой как наследие ленинизма, кошки с терракотовой геометрией также подвергаются остракизму, после чего Лора великодушно предлагает мне выбрать кое-что из ее собственной коллекции.

Двадцать штук, у Лоры их двадцать штук, с ума спрыгнуть можно! Некоторые остались от бывших Лориных любовников, любителей кашемира, бритых лобков и недельных шопинг-туров в Казахстан с посещением высокогорного катка Медео. Некоторые остались от бывших Лориных любовниц, любительниц шифона, бритых лобков и недельных шопинг-туров в Италию с посещением галереи Уффици. Есть

и сугубо Лорины вещички, чистый эксклюзив – как правило, он идет в комплекте с галстучной булавкой, запонками и мундштуками – лавры покойной Марлен Дитрих до сих пор не дают Лоре спокойно спать. После часа препирательств и взаимного обстебывания мы наконец-то останавливаемся на варианте, который устраивает нас обоих: галстук песочного цвета, диагональные полосы чуть светлее: «к твоей голубой рубашке он подойдет и освежит костюм». Лора отдает мне песочное сокровище скрепя сердце: галстук дорог ей как память. Об одном американце и тоже ресторанном критике «я никогда не рассказывала тебе о нем, Макс... О, это был замечательный человек, во всех отношениях – выдающийся!» Не менее выдающийся, чем Хайяо, правда, судьба его сложилась не столь удачно. Несколько месяцев назад до Лоры доползли слухи, что Брэндон (так зовут американца) расстрелял из автомата метрдотеля, двух официантов и повара в маленьком итальянском ресторанчике в Рино (штат Невада) только потому, что ему не понравилось, как приготовлена лазанья.

Лора знает пару мест в ЭСПЭБэ, где подают отличную лазанью.

За сорок минут до начала вечеринки она присылает мне sms-сообщение: «Ne zabyd' nadeť prilichnue trusy. I prixvati parochny gandonov».

«Eto eshe zachem?» – отвечаю я ей за тридцать девять минут до начала вечеринки.

Ответ Лоры выглядит интригующе: «Na vsyaki slychay. Mozhet, chto-nibyd' oblomit'sya».

Уж не залетных ли цыпочек она имеет в виду? Жиль Бенсимон – хорошая приманка для тех, кто хотел бы хоть на полдюйма приблизиться к Наоми Кэмпбелл – бакалавру, Кристи Терлингтон – птице, Клаудии Шиффер – марципану с фруктами, при условии, что мэтр все-таки снизойдет до вечеринки.

«*A met'r tam bydet?*» — шлю я Лоре очередную эсэмэску. «*Pipis'kami tam ne meryayutsya, idiot! Tol'ko koshel'kami*», – Лора как всегда истолковывает все в своем излюбленном стиле софт-порно.

«*Ty ne ponyala. Ya imel v vidu samogo Bensimona*».

...Никакого Жилия Бенсимона на пати, которое устраивает муж г-жи Паникаровской, нет и в помине: фотографии на стенах, вот и весь его привет высокому собранию; фотографии можно пересчитать по пальцам, они перекочевали сюда прямиком из Строгановского дворца, как сообщила мне Лора. Уж не знаю, во сколько это обошлось устроителям, но выглядят картинки с выставки вполне-вполне.

Наоми Кэмпбелл действительно похожа на бакалавра.

Остальные – те, кому не жмут в плечах фотографические рамки; те, кто так до сих пор и не был пойман в силки объектива, – остальные похожи на слепополуденные грезы моих тамагочи: все в тщеславно-романтической дымке, просматриваются только ноги и бриллианты в ушах. О слепополу-

ночных грезах говорить не приходится, они относятся к категории «Х».

Ничего мне здесь не обломится, несмотря на «prilichnye trusy» и три презерватива (эк я размахнулся!) в нагрудном кармане рубашки. Цыпочки, самочки, соски – от их количества можно спятить, но они так же далеки от меня, как Наоми Кэмпбелл, бакалавр. Да нет же, черт возьми, намного дальше! Снимков Наоми хоть жопой ешь, стоит только открыть любой журнал – от «ЕНе» до «Спутника радиолюбителя», на эти снимки можно и спустить, если уж совсем невтерпеж. А безнаказанно шастающих вокруг цыпочек я не увижу больше никогда, обычно на них смотрят совсем другие глаза: глаза банковских активов, нефтеперегонных заводов, предприятий по производству тротуарной плитки и вывесок типа «Торговая сеть супермаркетов «Лента».

– Проверь ширинку, – шепчет мне Лора, в обеих ее руках зажато по бокалу.

Ценный совет, если учесть цыпочек: это мяско такого качества, что перед ним меркнет даже пармская ветчина.

– Да ладно тебе... Просто приветствую вставанием столь дивный цветник. Только и всего, – отпускаю я немудреную шутку.

– «Проверь ширинку» – местный коктейль, милый, – просвещает меня Лора. – Ром, лайм и еще какая-то хрень. Очень вкусно. И еще насчет цветника. Все цветы здесь плотоядные, учти.

Лорин коктейль называется «Голубая замшевая туфля», вместо рома – текила, вместо лайма – грейпфрутовый сок, состав хрени, как и в моем случае, анализу не поддается; Лора похожа на охотника и дичь одновременно, мундштук а la Марлен Дитрих универсален, в паре с ним легко соблазнять и так же легко быть соблазненной.

Три презерватива жгут мне сердце.

– Как тебе эта? Может, рискнуть?

Для начала я выбираю нейтральный вариант, тормознувший неподалеку от нас, не блондинку и не брюнетку. Для рекламы ноутбуков она выглядит простовато, единственное, что можно ей доверить, – пейзажная косметика фирмы «Oriflame».

– Забудь, – Лора меланхолично прополаскивает рот. – Эта тебе не по зубам. Насосать за три месяца на джип и квартиру на Каменноостровском – умудриться надо.

– Так она несвободна?

– Видишь тех двоих? Телохранители ее нынешнего бойфренда. Один неверный шаг – и они заставят тебя сжевать собственные носки. А потом можешь запить все это моим коктейлем.

В сторону, указанную Лорой, лучше не смотреть, я примерно знаю, как выглядят телохранители: ничего общего с Кевином Костнером из одноименного фильма.

По сходным причинам Лора отбраковывает еще с пяток кандидатов на мои презервативы: ее знанию светской жиз-

ни ЭСПЭБэ можно только позавидовать, она разбирается не только в лазанье и стриптизе, надо же!.. Я совсем падаю духом, когда к нам подплывает г-жа Паникаровская. Ее полуобнаженная грудь (что за декольте, господи ты боже мой!) покачивается, как бакен на волне, ударная сила самой волны столь велика, что я не сразу замечаю плюгавого мужичонку в кильватере.

Судя по подобравшейся физиономии Лоры и по ее съевшемуся мундштуку (Марлен Дитрих была бы сильно разочарована) – это и есть «Он». Я явственно вижу ангелов, витающих над его покрытой коротким седоватым ежиком головой: чумазных ангелов автозаправок, их отяжелевшие крылья шуршат и похрустывают купюрным хрустом, во рту у каждого – монета, золотой соверен, такие не выпускают уже столетие. Как минимум.

Все замедленно, как в съемке рапидом, – троекратные лобзания с Лорой, губы при этом жеманно висают в сантиметре от щек; легкий кивок в мою сторону: «Здравствуйте, Макс! Рада видеть!»

– Это...

Кажется, г-жа Паникаровская произнесла имя своего спутника, оно вполне сгодилось бы для какого-нибудь культа: жертвоприношения на алтарь и факельные шествия обязательны, чашу для причастия лучше всего наполнять коктейлем «Проверь ширинку».

– ...А это наш Макс. Тот самый, который так тебе понра-

вился, дорогой.

Некоторое время я раздумываю, к чьей бы руке приложиться в первую очередь: самой г-жи Паникаровской или ее муженька, впрочем, «муженек» – не самое подходящее слово. Совсем неподходящее.

Sarungo.

Таких вот sarungo полно в бондиане и у Тарантино с Родригесом, и у десятков киносорок помельче: легко узнаваемый типаж плохого латиноамериканского парня с лиловыми губами и метровым слоем геля на гладко зачесанных волосах. Sarungo всегда стреляют из-под полы, выбрасывают нож из рукава, играют краплеными картами и ставят на зеро. Sarungo всегда или сутенеры, или набитые под завязку наркодилеры (даже вместо перхоти у них кокаин), или то и другое вместе, но основное их амплуа – убийцы-неудачники, из тех, кто редко дотягивает и до середины фильма. Если исключить гель и гладко зачесанные волосы – передо мной типичный sarungo. К тому же благополучно перекочевавший в сиквел.

– Да. Я помню, дорогая.

Ни черта он не помнит, но, как и у всех sarungo, у него есть страстишка – большая белая женщина из ближайшего к складу с кокаином борделя. Именно ей он жалуется на изжогу, тяжесть в мошонке и засилье взяточников в полиции; изголовье ее кровати – единственное место, где еще можно обнаружить распятие: sarungo никогда не уходят на дело без

МОЛИТВЫ.

У сарунго, стоящего сейчас напротив меня, другие проблемы, но большая белая женщина – та же. Выписанная прямиком из борделя. Обстановку, в которой была зачитана моя статейка, представить при известной доле воображения несложно: ванная комната, больше смахивающая на поле для мини-гольфа, мраморный пол, джакузи в обрамлении свечей. Джакузи предназначено исключительно для г-жи Паникаровской, ее сарунго обходится демократичной душевой кабинкой. Там-то его и накрыли киноэкзерсисы, «не правда ли забавно, дорогой, хи-хи-хи, Макс – душка, хи-хи-хи, ты только послушай, что он тут понапридумывал!» Из всего прочитанного он наверняка услышал лишь четверть, а запомнил и того меньше, разве что «Макс-душка, хи-хи-хи», упоминание неизвестного мужского имени его не напрягает, особенно в контексте «душки». С тем же успехом г-жа Паникаровская могла бы прощebetать: «это кольцо такая душка» или «этот «Порш» такая душка». Его не напрягает даже вероятность того, что большая белая женщина может завести себе любовника: после стольких лет работы по узкопостельной специальности подобная вероятность практически равна нулю.

Я мычу что-то нечленораздельное: рад э-э... счастлив э-э... польщен вниманием э-э... но сарунго не слышит меня и сейчас – какая, хрен, разница, что там вякает пузатая мелочь, не стоящая и набойки на каблуке его дражайшей по-

ловины?

– Удачный у вас галстук, – неожиданно произносит он.

Мундштук Лоры одобрительно упирается мне в бок, г-жа Паникаровская растягивает губы в самой лучезарной улыбке: ай да Брэндон, ай да ресторанный критик! – будем надеяться, что электрический стул, на который его не сегодня завтра усадят, окажется не слишком жестким. Или его уже усадили? – не забыть бы спросить у Лоры.

– Макс – моя гордость.

С тем же успехом г-жа Паникаровская могла бы прощепетать: «это кольцо – моя гордость» или «этот «Порш» – моя гордость», мне остается лишь гадать, не разрушит ли ее спонтанное признание нашей нежной дружбы с Лорой.

Об этом я подумаю завтра, как говаривала Скарлетт со всем по другому поводу, сейчас меня целиком занимают мысли о галстуке самого sarungo. В жизни не видел ничего более омерзительного, рядом с ним даже мои ублюдочно-бордовые кошки автоматически переходят в разряд пум. Или леопардов, или что-то вроде того. Кусок грязно-зеленого шелка в форме селедочного хвоста, с потрохами продающий скромное хобби sarungo. Не карты, не деньги и не два ствола.

Гольф.

Или все-таки мини-гольф? если уж рельеф и масштабы ванной комнаты позволяют...

Гольф, так будет вернее: на селедочном хвосте я насчитал

три стилизованных фигурки с клюшками, остальные скрыты пиджаком. Узел кажется завязанным намертво – фабричным способом, не удивлюсь, если он болтается на резинке, скрытой от посторонних глаз воротником. Любой уважающий себя тамагочи побрезговал бы воспользоваться таким галстуком и в качестве салфетки – для того чтобы вытереть руки после бизнес-ланча. Овощной суп, салат с морепродуктами и свежавыжатый сок – пить соки из пакетов тамагочи не станут ни при каких условиях, консервантам в их наско-ро сочиненной религии отводится место приспешников Сатаны – суккубов или инкубов, в зависимости от пола тамагочи. Единственный способ избежать соития с ними – сертификат об окончании курсов дайвинга. В квартирах (берлогах, иглу, шале, бунгало) всех без исключения тамагочи он занимает центральное место, он – ведущая деталь иконостаса, он – амулет и оберег, чеснок и серебряная пуля, и ведические руны по совместительству. Курсы дайвинга – высший пилотаж, который может позволить себе среднестатистический тамагочи. Высший – за исключением мантр, их содержание сводится к «в апреле обломится отпуск, и я двину на Тибет и, возможно, увижу там далай-ламу или на крайняк Бориса Гребенщикова... в апреле я двину на Тибет... в апреле я двину... жаль, что не на собственной яхте, яхта – это только к тридцати пяти... заиметь ее к тридцати пяти – говно-вопрос, то-то поразится далай-лама, не забыть бы сказать ему об этом...» Курсы дайвинга тамагочи посещают по вы-

ходным, сразу же после визита в солярий и к знакомому курду-массажисту. Остальные дни недели они заняты непосильной офисной работой и щербатой ненавистью к типам, которые могут позволить себе такие вот галстуки.

В форме селедочного хвоста.

Ухватить этот хвост и есть главная послеполуночная греза тамагочи. Категории «Х».

Запретная, запредельная, свербящая, как шило в заднице: ухватить хвост, примерить его, напялить на себя и не окочуриться раньше положенного времени. «Яхта к тридцати пяти» слегка припорошена песком, он просачивается сквозь широко разинутый рот кредитных «ролексов»; время – главный враг любого тамагочи, тик-так, тик-так, тридцать пять вовсе не так далеко, как кажется на первый взгляд. Наплевать на время может только мой приятель Жан-Луи, время для него остановилось в тот самый момент, когда он увидел Мод.

Явление Мод ни одному из тамагочи не грозит, в лучшем случае они примут ее за новую уборщицу, ежевечерне выгребаящую хлам из корзинок для бумаг. И ни одной уборщице (при условии, что она не Мод) не придет в голову, что эти корзинки и их содержимое – суть душа моих тамагочи, чего только в них нет! Рекламные проспекты, каталоги шмоток и автосалонов; клубная карта «Планета суши» (скидка в сети баров 5 %) – карта была выброшена по ошибке, вместе с конспектом брошюры «Как заставить себя уважать», нашед-

шему материальное вознаграждение в размере \$10.

Карты, как правило, не находятся.

У меня у самого есть несколько таких карт, включая совершенно непопулярную в среде тамагочи «Black & White». «Блэк энд вайт» – та еще забегаловка: калорийность десертов зашкаливает, нерасторопность официантов заставляет лезть на стены, густо увешанные художественной фотографией. Естественно черно-белой, название заведения обязывает. Все фотографии (авторские, как следует из подписей) продаются, но я до сих пор не видел дурака, который купил бы хоть одну.

В конце концов, это не Джан-Паоло Барбиери. И даже не Жиль Бенсимон.

– ...С тебя причитается, – голос Лоры властно вторгается в мои собственные послеполуночные грезы о Джан-Паоло.

– Причитается?

– Ты произвел впечатление на босса. Вернее, твой галстук. Вернее, мой.

– Его галстук тоже... впечатляет.

Лора закатывает глаза и плотно прижимает к губам мундштук, судя по всему, это должно означать: «заткни фонтан, милый мой», разночтения исключены.

– С такими бабками и таким влиянием он может позволить себе все, что угодно, – гранд-босс. Даже прийти на вечеринку голым.

– И что? Хоть раз приходил? – заинтересованно спраши-

ваю я.

– Идиот, – хмыкает Лора. – Его на такие мероприятия не заманишь.

– Сегодняшний день – исключение из правил?

– Может быть...

Что стоит Лорино «может быть»? Ровным счетом ничего, карман моей рубашки так и останется братской могилой для трех презервативов. Это нельзя назвать крушением жизненных идеалов, так – неприятный осадок, не более. Но чтобы нейтрализовать его, потребуется еще пара коктейлей «Проверь ширинку».

– «Голубую замшевую туфлю», мэм? – Роль светского бонвивана идет мне примерно так же, как нашему Пи фамилия Хемингуэй.

– Не пыжся, – Лора покровительственно хлопает меня по плечу. – Водки будет достаточно.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Делать-то все равно нечего.

Чересчур разборчивая во всем, что касается жратвы и стриптиза, Лора абсолютно непритязательна в питье, водка – альфа и омега ее меню, факт общеизвестный. На разновидностях водки, сводных братьях и сестрах, будь то чача, саке, сливовица или текила, Лора тоже не заикливается: есть паленая владикавказская – сойдет и паленая владикавказская. Перепить Лору невозможно, во всяком случае, на моей памяти этого не удавалось еще никому. Любовь Лоры к Джейн

Биркин⁷, или ане В., или Джейн Би – еще один общеизвестный факт. Как актриса Джейн Би никогда мне не нравилась, как жена Сержа Гинсбурга не нравилась вдвойне, но Лору обе эти ипостаси Джейн интересуют меньше всего. Джейн Би певица – вот где настоящее софт-порно! В сером Лорином «Мицубиси Талант» играет только один диск – ане В. В ее полубогемной мансарде на Конногвардейском бульваре легко можно отыскать второй – точно такой же. Мужиков Лора охмуряет под «Baby Alone in Babylon», цыпочек – под «Di Doo Dah», что там было в случае с Хайяо, мне доподлинно неизвестно, зато все свои статьи она набивает при деятельном участии «Exercise en forme de Z».

«Экзерсис» – слово для внутреннего пользования.

К внутреннему пользованию можно отнести и голос самой Джейн Би, он не выдерживает никакой критики, таким голосом может лепетать лишь соплячка, у которой только-только проклюнулась грудь, остается встретить его плакатом «Лолита, гоу хоум!».

Кажется, у ане В. есть песенка с таким же названием.

Именно ее я насвистываю (проклятье!), шляясь по залу в поисках водки для Лоры и коктейля для себя. Или это все-таки «Di Doo Dah»?.. Коктейль находится через две минуты – на подносе у ниггера-официанта (все тамагочи женского пола ссали бы кипятком при виде его хорошо закамуфлированных прелестей), а с водкой... С водкой меня ожидает

⁷ Культовая англо-французская актриса 70-х.

полный облом: ее попросту нет. Несколько секунд я раздумываю – вернуться ли к Лоре с очередной, замшевой туфлей, или отправиться в ближайший магазинчик «24 часа» за пойлом, пусть и владикавказским. Сама Лора машет мне мундштуком из прекрасного далека, более одинокой я не видел ее никогда, даже на прошлогодней презентации диска группы «Здоб ши Здуб», там Лоре не удалось поднять и палочек от барабанной установки, и гитарной струны – полный штиль в чувствах.

Решено: я на время покидаю фотошатер Жиля Бенсимона идвигаю за водкой, перспектива нажраться с Лорой под непроницаемым взглядом бакалавра, птицы и марципана с фруктами вызывает во мне живейший интерес. Граничащий почти с религиозным экстазом. Нечто подобное я испытывал на втором курсе универа, перед экзаменом по философии, который так и не сдал, но... Бутылка «Амаретто» и кроличий трах с однокурсницей Элен из Вырицы – так, расслабон в пустой аудитории, не более. Элен ни разу не дала мне ни до философии, ни после, зато взять ее тогда оказалось делом плевым, очень уж она боялась чертову философию провалить, а Сократ и Сенека казались ей большими насильниками, большими извращенцами, чем я... Эти невесть откуда взявшиеся настроения подстегивает коктейль, который я залпом выпиваю: коварная все-таки штука – коктейли. Особенно с ромом, именно они погубили в свое время самого Хемингуэя, который не Пи. Как философски заметила по

этому поводу Лора (успевшая отметить в теме эссеистическим бредом «Лонг-дринкс, камасутра и учение Махатмы Ганди»), *«Убивает не бьющая под дых крепость, а знающая себе цену слабость».*

Вспомнить бы, как назывался коктейль, среднестатистический тамагочи – вот кто знает название наверняка.

...Поход в «24 часа» много времени не занимает, на обратном пути я вспоминаю и название коктейля – «Дайкири», бедный старый Хэм. Водка, сунутая за брючный ремень, приятно холодит поясницу, думать о жопе – лихо, по-африкански отключенной – не хочется, пускай об этом думают ниггеры-официанты.

Или их любовницы.

Лоре моей любовницей не быть никогда, что не исключает невинного, по-дружески утонченного совокупления, точечного удара, разведки боем; возможно, уже сегодня ночью, если я переживу водку на пустой желудок и апе В. в «Мицубиси Талант».

– ...Это и есть Жиль Бенсимон?..

Никакого сходства с Мод, никакого сходства с Джейн – фраза звучит как «это и есть ваш хваленый Жиль Бенсимон?», первое, что я вижу, – открытые (чересчур открытые, чересчур фривольные) босоножки, на среднем пальце левой ноги кольцо.

Я и сам чувствую себя окольцованным, я чувствую себя octopus, выброшенным на берег; я чувствую себя Жилем

Бенсимоном, нет... я чувствую себя Джан-Паоло, прощелкавшим лучшую свою модель, я чувствую себя выдохшимся «Дайкири», кольцо на среднем пальце левой ноги – дешевый понт для приезжих! Я чувствую себя загнанной в песках берберской лошастью, бербером я себя тоже чувствую. И ниггером-официантом с откляченной жопой. Все потерявшие на свете вещи – я: ключи, брелоки, парусники, нательные кресты из обсидиана, билеты на концерт «Пари Комбо», экспедиция Дэвида Ливингстона, только этого не хватало!..

Насечки на кольце – я в состоянии разглядеть и насечки! – легко складываются в дату смерти времени.

Его больше не существует.

Или это меня больше не существует?

Несомненно только одно – водка за пазухой и заданный вопрос: «Это и есть Жиль Бенсимон?» Вопрос адресован мне, никого другого в радиусе нескольких метров нет, я по-прежнему тупо смотрю на босоножки (чересчур открытые, чересчур фривольные), я просто не в силах от них оторваться.

– ...Эй?

Взглянуть на губы, которые выпустили в свет «эй» – две буквы, как две перекладины воздушного змея; вопросительный знак не что иное, как хвост, бьющийся на ветру, – взглянуть на губы я все еще не решаюсь. Если уж пальцы на ногах (и кольцо, кольцо, кольцо!) повергли меня в такой трепет, тогда какими должны быть губы?.. Стоит взглянуть на губы –

и обязательно вляпаешься в лицо, со всей дури долбанешься о подбородок, переломаешь себе хребет о нос, увязнешь в глазах, как в гончарной глине; не-ет, ищите себе других дурачков, Жан-Луи вполне подойдет.

– ...Вы немой?

Конфигурация воздушного змея усложняется, возможно, их уже два, свободно парящих; на выставку змеев меня за-тащил как-то шелудивый эротоман Пи, единственное, что я помню, – иероглифы на вощенной бумаге и рыбы силуэты большинства конструкций – и что только делать рыбам в небе? Хайяо наверняка знает ответ и на этот вопрос. Хайяо, да! – убийца с дыроколом, разминающий сейчас чужие пятки: от одной только мысли, что крохотное кольцо с насечками может попасть в лапы улыбчивого азиатского тихушника, мне становится не по себе. К тому же у кольца есть подружка – цепочка, или скорее браслет, он обвивает щиколотку.

– ...Значит, вы немой?

– Ваш. Исключительно ваш.

Так бездарно хохмить я не позволял себе ни с одной из своих цыпочек, и эта проклятая водка в штанах!.. У девушки прямые волосы до плеч и прямой нос, линия лба тоже прямая; представить ее ворующей CD-плеер с прилавка гораздо легче, чем представить ее в постели.

Заснешь и не проснешься, даже думать об этом не хочется.

– Удивительно, – голос девушки так же ровен, так же

прям, как и волосы, я не нахожу в нем ни единого изъяна.

– Что именно?

– У вас разные глаза.

– Я в курсе.

– Это скорее недостаток, чем достоинство.

Еще один дополнительный пункт в длинном перечне моих недостатков погоды не сделает, так стоит ли париться по этому поводу? Совсем другое занимает меня, совсем другое – все равно как если бы девушка стояла на верхней ступеньке лестницы, а я – на нижней. Как если бы она была одета для лыжной прогулки, а мне и прикрыться было нечем, бритвенный станок и кусок мыла не в счет, – мы не на равных. Она видит мои глаза, ее же глаз я не вижу, они скрыты очками. И это не какие-нибудь легкомысленные солнцезащитные очки, в которых цыпочки обычно дефилируют по заплеванным набережным приморских городов, нет. Очки кажутся вросшими в кожу: ни одной щели, ни одного просвета, даже виски защищены.

– Я – Макс.

– Ни секунды в этом не сомневалась.

Губы. Мой инстинкт самосохранения был не так уж не прав, хотя до сих пор пользоваться им не приходилось. И не стоило мне смотреть на ее губы, если бы красота убивала – это выглядело бы именно так. Или почти так. Я все еще в растерянности, и Джан-Паоло бы мне не помог. Как классифицировать ее губы, куда их пришпилить? Отнести их к ра-

ковинам? к лепесткам роз? к скорпионьим хвостам? к змеям, запутавшимся друг в друге?... Что если и язык у девушки так же по-змеиному раздвоен? Я вполне могу это допустить.

– Вы без спутников?

Дурацкий вопрос. Девушкам, подобным этой, спутники не нужны вовсе, кто бы ни оказался рядом с ними – Бэтмен, Робин или варан с Коморских островов, – он всегда будет в расфокусе, световое пятно по срезу кадра, не больше. Девушки, подобные этой, – большие доки по части перетягивания одеяла на себя, неважно, из чего это самое одеяло соткано – из личностных амбиций, карьерных устремлений или детского желания проехаться зайцем в метрополитене. Впрочем, с метрополитеном я загнул. Метрополитен они ненавидят, если это, конечно, не «Метрополитен Опера». Но мелочная кража CD-плеера с прилавка при этом совсем не исключается.

– Так вы без спутников?

– Я их потеряла. – Опять ровный голос и никакого волнения, с тем же успехом можно было объявить о потере шпильки для волос.

– Может, поищем их вместе?

Со стороны это выглядит как банальное подбивание клиньев – и мои шансы равны нулю, в гробу она видела такого mr. stallion, крупом я не вышел, определенно. Но главная гнусность ситуации заключается в том, что я по-прежнему стою на нижней ступеньке лестницы, а она – на верхней.

Мы не на равных, в стеклянной витрине ее очков видно лишь мое собственное беспомощное отражение и ступеньки: нас разделяет по меньшей мере пролет, густо усеянный телами таких же жалких типов, как я. Всех тех, кому она отказала, даже не сняв очки. И ее губы – раковины, лепестки роз, скорпионьи хвосты, – слово «да» никогда не слетало с этих губ, зато «нет»... «Нет» засунуто за щеку подобно долгоиграющему леденцу. Который она посасывает с тех самых пор, как на ведущей к ней лестнице стали появляться жалкие типы, похожие на меня.

– Ваш галстук...

– А что с ним?

Опять чертов галстук, надо же! В любом случае вариантов может быть только два: либо он нравится девушке, либо она считает, что он больше подошел бы панде из сингапурского зоопарка. Но девушка выбирает третий вариант, такие девушки всегда выбирают что-то третье.

– Он в чем-то выпачкан.

– Неужели?

– Я думаю, это кровь. Вам нужно замыть пятно.

Быстрая улыбка – настолько быстрая, что мне удастся уловить лишь тень; как будто кто-то, сидящий внутри девушки, молниеносно протыкает ее губы ножом и прячет нож за голенище – улыбка тотчас же зарастает. Так зарастают мочки ушей или место, бывшее когда-то культовым Вудстоком: плющ и шиповник в пустых глазницах Дженис Джоплин,

сквозь их заросли не продерешься.

Шиповник, дикая роза – вот на что похожи ее губы! Только сунься – и пара-тройка царапин тебе обеспечена. Или того хуже – глубокий порез, кровь можно остановить лишь с помощью перекиси... кстати, девушка что-то говорила о крови.

Она надо мной издевается. Надо мной, галстуком души-ки-Брэндона и – опосредованно – над самим Брэндонном. Скосив глаза, я исследую поверхность галстучной ткани и не нахожу никакого пятна: она надо мной издевается, вот сучка! Правда, вне поля моего зрения остается узел. «Кристенсен», или как там его. Если предположить, что загажен именно он... Да нет же, черт возьми! Любые пятна исключены, я не проливал на себя коктейль «Проверь ширинку», Лора не стряхивала пепел со своего мундштука, г-жа Паникаровская не лобзала меня ярко накрашенными губами, а ее sarungо не орошал струей из бензозаправочного пистолета. Любые пятна исключены.

– Замойте пятно, Макс.

Вот уж не думал, что она запомнит мое имя! И мне безразлично, куда она его сунет через минуту – в копилку, где валяются десятки других имен, вперемешку с неактуальными сейчас венгерскими форинтами и жетонами для игровых автоматов, или вовсе выбросит из головы. Мне безразлично.

Мне небезразлична она.

Я понимаю это, стоя перед писсуаром в сортире и тупо глядя на свое отражение в зеркале. Никакого пятна нет и

в помине, хренов «кристенсен» чист. Такими же чистыми были помыслы бедолаги Брэндона перед посещением злополучного итальянского ресторанчика в Рино, меня самым скотским образом накололи. Опрокинули, развели, как дауна, впервые вломившегося в интернетовский sex-чат, малыш Пи может многое про это рассказать.

Очки я оставил бы на сладкое.

Я снял бы их в последнюю очередь, уже после трусиков (если она носит трусики), лифчиков она не носит стопудово, слишком уж хорошо просматривались соски. Странно, что я зациклился не на них, а на кольцо, но очки были бы заключительным аккордом в любом случае. Добраться до ее глаз – все равно что войти в нее.

Войти в нее.

Никакой порнокартинки не получается. Вызвать ее в воображении – как два пальца об асфальт, раньше, с любой другой цыпочкой, у меня это выходило на раз, теперь же что-то пробуксовывает. Я не могу представить ее в койке. То есть проблем с самой девушкой не возникает, как не возникало проблем с Монро, Бардо и Сильвией Кристель, пара мягких фильтров и полтора часа грим, оставляющий от целлюлитных растяжек одни воспоминания. Проблем с девушкой нет, проблема во мне.

Я влюблен.

Открытие, достойное писсуара, в который я все еще мочусь. Не эту ли правду жизни изо дня в день описывает в

своих срамных историях Пи? Я отчаянно влюблен.

Тип, пристроившийся рядом (я даже не заметил, когда он успел нарисоваться), искоса смотрит на меня, а Лора еще имела наглость утверждать, что пиписьками здесь не меряются. На педрилу он тоже не похож, как и на брутального мачо, обыкновенный мужик лет сорока – сорока пяти. Хрен бы с ним, но что если это и есть один из спутников девушки? Или, что хуже, – единственный ее спутник? Одна лишь мысль об этом обдаёт меня холодом.

– Ну что еще не слава богу? – спрашиваю я.

Ему не сорок, он значительно моложе – если зеркало, в котором он отражается, не врет. И я готов поклясться... Я готов поклясться, что и у него разные глаза! Чувства, которые меня одолевают, – детская обида, детская ревность и вполне взрослое желание вломить ему в грызло. До сегодняшнего вечера фишка с карим и зеленым принадлежала только мне, стоило выпустить на волю одну темнокрылую бабочку и одну ящерицу цвета морской волны – и все, дело было сделано. Цыпочки оказывались подо мной без всяких дополнительных усилий.

– У вас галстук испачкался, – наконец-то выдает тип.

Теперь я впадаю в тихую ярость, иначе как сговором это не назовешь. Наверняка тип и девица завалили на пати теплой компанией и теперь стебуются над простаками в модном стиле флэш-моб.

– У меня шла носом кровь, – поясняю я, хотя тип вовсе не

ждет пояснений. – Шла носом кровь. Вот он и испачкался.

– Проблемы?

Хороший вопрос. До сегодняшнего вечера, до той самой минуты, как я расшиб лоб о непроницаемые очки девушки, никаких особых проблем у меня не было.

– Высокое давление, – ничего умнее мне в голову не приходит.

– Бьюсь об заклад, что вы даже не знаете, как выглядит аппарат для измерения давления.

Пари в сортире – это что-то новенькое.

– Бьюсь об заклад, что ваш член меньше моего. – Только теперь я замечаю зрителей на заднем плане: два бритоголовых ублюдка, подпирающих дверь.

Их лица по-младенчески безмятежны, собственно, они и есть младенцы, связанные незримой пуповиной с типом у зеркала; стоит хозяину пальцем шевельнуть – и они раскроют мне череп. Ничего личного, раскройка черепов идет в их контрактах отдельной строкой, не исключено, что за нее полагаются премии и молочные продукты на вес. Зря я ввязался в этот никчемный разговор.

– У вас точно проблемы.

Убить меня не убьют, повод слишком ничтожен, но вывеску попортят однозначно. Прикрыв глаза в ожидании, я мысленно начинаю подсчитывать, во сколько мне выльется ремонт вывороченной челюсти и замена половины зубов, черт, я же видел этот фильм – «Никогда не заговаривай с незна-

комцами», даже вставил относительно него свои дежурные пять копеек.

Слабое утешение, все мои мелкотравчатые истории начинаются как «Нескромное обаяние порока», а заканчиваются как «Господи, за что мне это?»⁸ минус канареечная гомосексуальность. Плюс бутылка пива в полном одиночестве. Лучше две.

Что-то никто не торопится бить мне морду.

Пора уже выпустить их – одну темнокрылую бабочку и одну ящерицу цвета морской волны. Что я и делаю, тут же обнаружив, что сердобольного козла – кем бы он ни был – рядом со мной нет. Нет и его зашморганных телохранителей.

А я по-прежнему стою в сортире, еще больше влюбленный, чем три минуты назад: у тебя и правда проблемы, бэбик. Впрочем, от одной я могу избавиться прямо сейчас.

Галстук засранца Брэндона.

Он не понравился девушке, которая понравилась мне. Мне нужно было сделать это раньше, много раньше (не тогда, когда мой дражайший папаша собирался повеситься на собачьем поводке, а мамаша подбадривала его громкими криками, держа в руке зажигалку, – оба были пьяны в хлам). Не тогда. Мне нужно было сделать это, когда девушка сказала мне:

«Замойте пятно, Макс». Снять проклятый галстук и сунуть в карман – всего и делов.

⁸ Фильмы Педро Альмодовара.

Но я в свойственной мне манере последыша-кинокритика из двухнедельного альманаха запаздываю с реакцией на события.

Освободившись от удавки – галстук перекачевывает в карман брюк, направо от презервативов, направо и значительно ниже, – я расстегиваю верхнюю пуговицу рубашки, потом еще одну. Видок тот еще, но теперь, по крайней мере, разговор о пятнах крови отпадает сам собой. Кто бы его ни завел.

* * *

...Сука.

Я мог бы предположить нечто подобное, и все-таки... Близость Лоры и девушки поражает меня в самое сердце, правда, это не та близость, после которой хочется – в припадке ревности – замочить оба действующих лица гипотетического адюльтера, они просто разговаривают.

Перетирают срань, как обычно выражается Лора. Но ситуация далека от обычной, стоит только взглянуть на Лору. Такой я не видел ее никогда. Собственно, и узнаю я ее лишь по провокационному мини-платью, в инструкции по его применению напрочь отсутствует пункт «нижнее белье»; по платью и мундштуку, что-то с ним не так: то ли он вытянулся до размеров трости, то ли усох до размеров фильтра к «Парламенту», хрен поймешь.

Нет, женщину в платье Лоры я не знаю.

И никогда не знал. Была ли она на Пиренеях? Со мной точно не была, я и сам не был, а угарная корпоративная поездка в Коктебель (От-ебель) не в счет, Дюссельдорф с Кельном и франкфуртский аэропорт тоже можно засунуть в задницу. Пока я сидел с кенийкой, Лора прохлаждалась с итальянским карабинером и, кажется, даже отсосала. Или он у нее, что, впрочем, не так уж важно. Важна ее физиономия сейчас, хотя нужно быть последним циником, чтобы назвать это лицо физиономией.

Это лицо – смуглое (обуглившееся от страсти?), эти потрескавшиеся губы – как потрескавшиеся камни мостовой или как дощатый пол, десятки каблуков стучат по нему в ритме фламенко; десятки каблуков, им и сносу нет, десятки кастаньет, нет на них управы; «ти амо», «ти амо», кончится ли все добром?

Ти амо.

Лорино лицо танцует для девушки, в которую я отчаянно влюблен.

Ти амо. Ти амо. Ти амо.

– ...А вот и я.

Ничего общего с *agual* ничего общего с *quiero* ничего общего с *azucar*⁹.

Скверно, очень скверно влезать на сцену, не зная азов, не попадая в такт; вот и я – любитель-приготовишка, начисто

⁹ Возгласы поощрения во фламенко.

лишенный грации, с водкой, распяленной на брючном ремне.

– Вот и я.

– Виделись. – Лора смотрит на меня почти с ненавистью, невидимые эмбра и мачо¹⁰ щелкают перед моим носом попеременно.

Эмбра. Или «самка» в дословном переводе, Лора будет сражаться, как и умеют сражаться только самки, – пока последняя капля прогорклого молока не вытечет из сосцов, не смешается с кровью и землей, – не суйся, милый, эти прямые волосы, этот прямой лоб не для тебя. Сука. Пошла ты, сука!..

– Привет, Макс. – Скорпионьи хвосты ободряюще подрагивают, что может означать одно: выбора у нас с Лорой нет, умрем мы дважды или трижды в промежутках между щелканьем кастаньет – выбор всегда останется за девушкой.

– Так вы знакомы? – На Лору жалко смотреть.

– Почти. Я – Тинатин.

Тинатин. Вот как, вот оно что. Имя обдувает меня подобно легкому ветерку, слишком легкому, слишком непостоянному, неизвестно, какие запахи он принесет, чем обернется через минуту. Тинатин. Ти-на-тин. Не об этом ли имени я мечтал, не его ли выдувал из бутылочных горлышек еще в детстве? Я готов поверить – именно его. Я почти верю. О чем-то сходном думает и Лора, хотя вряд ли в ее детстве были бутылочные горлышки. Старинный фарфор – немецкий,

¹⁰ Правая и левая кастаньеты.

китайский, – скорее всего, куклы тоже были фарфоровыми и разбивались со звоном – ти-на-тин.

– Тинатин. Можно Тина.

– Тина, – шепчет Лора.

– Тина, – шепчу я.

– Здесь скучно, – шепчет Тинатин.

– Можно продолжить вечер в каком-нибудь другом месте. Повеселее.

Лора, конечно же, предложение исходит от Лоры, еще один – победный – удар эмбры, мне нечего противопоставить ресторанному критику «Полного дзэна». На Ким Ки-Дука Тинатин не клюнет: география смерти и анатомический театр любви уж точно не для нее.

– Хорошая идея. Правда, Макс?..

На Лору жалко смотреть. Я и не смотрю, я смотрю только на Тинатин. И Лора, на которую жалко смотреть, тоже смотрит на Тинатин. Нам и раньше случалось лезть под платье одним и тем же цыпочкам, но сегодня – сейчас – все по-другому, до платья Тинатин не добраться, руки у нас короткие; руки короткие, а лестничный пролет длинен. Она – вверху и по-прежнему в своих вросших в кожу очках, мы с Лорой – внизу, и керамические наши сердца, пригодные разве что для тушения сигарет с мундштуком и без, – керамические наши сердца разбиты.

Не спутать бы осколки.

Не спутать бы; иероглифы, образующие имя постыдной

тайны Хайяю, мне ни к чему. Латинские имена карабинеров из аэропорта во Франкфурте – тоже, возможно, и сама Лора не удосужилась их узнать: безличный секс, который она время от времени практикует, предполагает отсутствие имен. Безличный секс, который время от времени практикую и я, предполагает наличие одной-единственной фразы: «Ты прелесть, о-о!...» Когда-то давно я нашел ее в кармане своего папаша, куда регулярно лазал за мелочью, ничего другого там не водилось – жалкая мелочь, жалкие, сбившиеся в кучу волосы на затылке, сам затылок не менее жалкий, никакого сравнения с куклами Лоры – немецкими, китайскими... «Ты прелесть, о-о!...» – и как только моему папаше удавалось раскрутить на минет всех своих баб? И кто только не перебывал у него в паху, теперь мне кажется, что и черножопая джазистка Викки Андерсон там отметилась, и Си-Си Кетч слегка подпортила там свой феерический причесон «бананарама», а Моника Левински не попала в общий список исключительно по малолетству. Хотя папаша пользовал и нимфеток – с бледными ногами, бледными волосами и болячками над верхней губой.

Лоры среди них не было.

Но я легко мог бы ее представить – рядом с папашей, в дальнем углу кухни, у мутного окна, среди жестянок из-под халвы, набитых мокрыми окурками. Не эту Лору, на которую теперь жалко смотреть, а ту, которую я знал еще полчаса назад – высоколобую тварь с запахом болгарского лечо

в подмышечных впадинах; с роллами из морепродуктов на запястьях, их культурологическая ценность равна культурологической ценности Акрополя; с корейской лапшой куксу, вплетенной в волосы, – повесить ее остатки на уши нашим зажавшимся тамагочи святое дело.

Лора, что с тобой случилось, Лора?..

То же, что и с тобой, милый, сказала бы Лора, если бы могла прочесть сейчас мои мысли. Если бы – но ей не до меня. Я и сам далек от сантиментов припортовых кабаков, окажись мы там – я первый разбил бы Лорино лицо о край раковины в сортире – или как там еще избавляются от конкурентов? Перетягивают шею шнурками под гаражный рок-н-ролл, суют перо в ребра под фолк-хреновину, выдавливают глазные яблоки под Билли Айдола.

Billy Idol. «Sweet Sixteen».

Что она делала в свои сладкие шестнадцать, сладкая девочка? Не Лора – Тинатин.

Рассекала по трассам федерального значения в открытой колымаге, в бардачке колготки, губная помада и пачка сигарилл. Это тянет на концепт, нечто подобное промышчал бы Великий Гатри, еще один перец с редакционной грядки «Полного дзэна», ответственный за музыкальное образование тамагочи, только он один без содрогания произносит слово «прогмета-психоделика». Пачка сигарилл и есть «прогметапсиходелика», та еще крутизна, сигареты – слишком пошло, сигары – слишком вонюче, с самокрутками за-

маешься крутить, ни о чем другом мне думать не хочется, да, вот еще что – очки.

Очки были те же самые.

Снимает ли она их когда-нибудь? Снимет ли? И для кого?

Для парня с дурной кровью, температуращего каждый понедельник, 37,2° по утрам; для парня с родимым пятном под левой лопаткой, все, кто видел пятно хотя бы раз, говорят, что оно похоже на всадника на коне; все, кто видел пятно хотя бы дважды, утверждают – оно движется. Снимет ли она очки для парня с разными, как у опоссума, глазами?

Для парня с разными глазами. Для меня.

Держи карман шире, бэбик, держи карман шире – и в него обязательно сунут большой болт.

– ...Шикарные очки, – говорит Лора, думающая, очевидно, о чем-то сходном. – Гуччи?

– Фигуччи, – беспечно отвечает Тинатин. – Просто очки. Они мне понравились, и я их сперла. У одного типа. На Макса он не похож.

Сперла, кто бы сомневался. Сперла. А со стороны выглядит, будто она в них родилась: немного найдется людей, способных приручать чужие вещи и так замораживать им яйца, что они напрочь забывают о старых хозяевах. Непохожих на Макса, потому что красть у Макса нечего.

– Ты прелесть! – У Лоры даже скулы сводит от восторга, «ты прелесть, о-о...», того и гляди забьется в конвульсиях, точь-в-точь как мой папаша на ближних подступах к оргаз-

му.

– Я знаю.

– Подожди минутку, я быстро. Только никуда не уходи, ты мне обещаешь?

– Нет.

Я бы очень удивился другому ответу Ти-на-тин. Максимум, что она может пообещать, – что прихватит печатку вашего деверя с вашей же прикроватной тумбочки, – ту, которую вы сами прихватили у него еще в прошлом году, на бесснежное католическое Рождество. Не ради самой печати, цена ей – копейка, ради надписи на ободке: «Suck and Let Go»¹¹.

– Ты прелесть, – Лора повторяется, что совсем на нее не похоже. – Тридцать секунд.

Мы остаемся одни, мне хочется, чтобы с Лорой случилась какая-нибудь беда, почему бы ей не сломать ногу, сейчас, сию минуту – ломают же люди конечности; или чтобы ее пристрелил кто-то из бывших любовников, хотя неизвестно, способна ли сама Лора вызывать столь сильное смятение чувств.

С Лорой ничего не произойдет. Я знаю это точно, вот черт. Черт. Чччерт.

Никто ее не пристрелит: на безмозглых одноразовых телок надежды никакой, на любителей кашемира и бритых лобков – тоже. Конечно, Лорино окружение этими типажа-

¹¹ «Отсоси и двинем» (англ.).

ми не ограничивается, есть еще отошедший от дел убийца, а ныне массажист Хайяо, есть и другие. Запирсингованные по самые гланды, стриженные под ноль феминистки, сплошь представительницы творческих профессий – от ассистента монтажера до верстальщицы в типографии. Их пломбы набиты здоровым креативом, карманы их штанов (стиль «милитари») пухнут от амбиций. В сферу их интересов входят куннилингус, фистинг и армрестлинг, «гулять босиком, целовать тебя в ключицы и ниже», чемпионаты по выездке в Голландии, чемпионаты по поеданию саранчи в Уганде; они обожают клубные чилл-ауты и ненавидят глагол «лизать» – «потому что это по-другому называется». Все свои мыслишки о жизни, трахе и мелкой грызне в монтажной они выносят на страницы интернетского «Live journal».

Корпоративный дневник лузеров, ненормативная лексика поощряется, альтернативный секс поощряется, фистинг и армрестлинг с инвалидами детства поощряется, члены на ремнях – в меморизе, целую вас всех в глазки, аллилуйя, сестры!..

– Она забавная. – Тинатин слегка поднимает бровь – о, что это за бровь! – сияющая, восхитительная, на ней может уместиться одна белка, или две райских птицы, или три паука-сенокосца, дождевые капли учету не поддаются.

– Забавная?

– Забавная. Она.

– Лора?

– Лора. Да.

Я ненавижу Лору еще сильнее, чем «ЖЖ»¹²-феминистки глагол «лизать»; прилагательное «забавная» – вот откуда исходит опасность, Тинатин могла выбрать любое другое, но выбрала именно это:

забавная.

Это означает, что Лора способна удивить Тинатин, заставить ее приподнять бровь – и тогда две райские птицы сорвутся в небо; это означает динамичное развитие сюжета, я стал свидетелем завязки, остается лишь гадать, какой будет кульминация. Две девушки в одной постели не менее занимательны, чем девушка и японец, обжигающие ласки под балканское этно в переложении Бреговича – «Мандолины, играйте!» или все-таки Джейн Б.?

Лора всегда добивается своего.

Сука.

Сука, но забавная. Проклятье!.. Разноцветные гирлянды лампочек по неутомимым, движущимся вечно бортам карусели... Карусель – тоже забавно, если уж ты взгромоздился на нее, никто тебя не догонит, внешний мир сливается в одну сплошную линию, и ты – совершенно безнаказанно – можешь показать ему язык. Лора на облупленном верблюде, Тинатин – на олене со спиленными рогами, они проплывают мимо меня, проплывают и смеются, взявшись за руки, недоступные, прекрасные, прекраснее всех Ти-на-тин.

¹² «Live Journal» – в русской версии «Живой журнал» (ЖЖ).

Забавно, забавно, забавно.

Целую вас всех в глазки, аллилуйя, сестры!..

– ...Что-то не так, Макс?

– Все так. Лора забавная. Вы любите кататься на карусели?

– А должна? – Губы Тинатин растягиваются в иронической улыбке. Быстрой, очень быстрой, почти неуловимой – пора бы мне к этому привыкнуть.

Никогда я к этому не привыкну. Никогда.

– Нет, но мне показалось...

– Карусель – это и есть «место повеселее»?

Идиотизм какой-то. И правда, при чем здесь карусель, она срабатывает лишь в фильмах ужасов, я видел их не меньше десятка – на карусельную тематику, второстепенные герои не выживают вовсе, главные – выживают, но не факт: множественные гематомы, галлюцинации с уклоном в ассортимент мясницкой лавки, изменения в психике необратимы, вот кому легко могут померещиться пятна крови на клубном галстуке.

– Я не думаю, что карусель – место повеселее. – Близость Тинатин парализует мою волю, а заодно и чувство юмора, от нескромного обаяния порока и следа не осталось. Крючки и блесны – те самые, с помощью которых я обычно подсекал цыпочек, оказываются сорванными.

Я гораздо менее забавен, чем Лора, есть отчего прийти в отчаяние.

– Вас-то каким ветром сюда занесло, Макс?

Увольнительная на берег, в порядке поощрения от трижды краснознаменного журнала «Полный дзэн» – сказать об этом Тинатин не представляется возможным.

Это не забавно.

– Пришел посмотреть, что делают конкуренты.

– Бенсимон – ваш конкурент?

– Ну не совсем. Я не снимаю девушек из мира fashion. Следующий вопрос должен исходить от Тинатин – что-то типа «У вас нет на это денег?» или «Тогда что же вы снимаете, Макс? Юношей из мира BDSM?».

Но Тинатин молчит. Выкручивайся сам, бэбик.

– Я не снимаю девушек из мира fashion. Мне это неинтересно.

Тинатин молчит.

– Моя специализация – мелкие животные, погибшие насильственной смертью.

– Мелкие животные?..

Приподними же бровь, Тинатин!

– Суслики, сурки, крысы, которые попали под разделочный нож, кошки, которые попали под асфальтоукладчик... – меня несет. – Кончина птиц в линиях высоковольтных передач – вообще отдельный повод для фотосессии...

– И что потом?

– А что – потом?

– Что потом вы делаете со снимками?

– Дарю хорошеньким девушкам на День святого Валентина.

Я жду реакции Тинатин – хоть какой-нибудь: удивление, растерянность, гримаса легкой брезгливости тоже бы подошла. Но Тинатин безмятежна.

– Вас интересуют только животные? – Голос Тинатин безмятежен так же, как и она сама. – А люди, погибшие насильственной смертью, не интересуют вас совсем?

То, что происходит в следующую секунду, не поддается никакому объяснению: Тинатин целует меня в губы. Нет, не так: Тинатин целует меня.

В губы.

Еще мгновение назад нас разделяло добрых полтора метра, никак не меньше, когда же она успела приблизиться?.. Впрочем, совсем не это волнует меня, совсем не это – в конце концов, об этом можно подумать позже, оставшись в гибельном одиночестве. А заодно и о том, как она разглядела, что глаза у меня разные, – не снимая своих проклятых очков; и пятно крови (если оно и было) на галстукe – как ей удалось определить его цвет?

Ее губы.

Они лениво скользят по поверхности моих собственных губ, и не помышляя нырнуть поглубже, никаким сертификатом по дайвингу здесь и не пахнет, о запахах вообще речи не ведется. Ее губы – не соленые и не сладкие, в них нет ни остроты, ни горечи, с тем же успехом можно было бы це-

ловаться с пластиковым стаканчиком. Определенно, это самый странный поцелуй в моей жизни, сам факт его существования бессмысленней, в нем нет и намека на светлое будущее, на прогулки под дождем, на смятые простыни и кофе по утрам, на покупку горного байка, диггерство и посещение религиозных святынь Ближнего и Среднего Востока. В нем нет и намека на откровения о бывших любовниках, детских болезнях и юношеских фобиях, «я так хочу тебя, лифт – самое подходящее место, только не забудь о резинках» – совсем не тот случай. Совсем не тот поцелуй.

Совсем не тот. И все же, все же...

Мне страшно подумать о том, что он когда-нибудь кончится.

Но пока он и не думает кончаться, в пластиковом стаканчике неожиданно появляются дыры, их края оплавлены, что-то не так.

Тинатин не целует, хотя видимость поцелуя все еще сохраняется, она водит жалом (скорпионьего хвоста?); она снимает, считывает информацию – но ей приходится жертвовать и частью своей. Не думаю, что ей так уж нравится жертвовать – это побочный эффект любой тактильной близости, с которым необходимо мириться, как с неизбежным злом.

Оба моих века склеены – верхнее-нижнее, верхнее-нижнее, лишь в картинках, проносящихся в темноте перед ними, ни единой монтажной склейки, что это? прошлая жизнь

Тинатин, ее фантазии, ее ночные кошмары – точно определить жанр невозможно, вот если бы на моем месте оказался Жан-Луи... Черт, если бы на моем месте сейчас оказался Жан-Луи – я просто-напросто убил бы его... **«А люди, погибшие насильственной смертью, не интересуют вас совсем?»**

Интересуют ли они саму Тинатин?

В картинках, проносящихся в темноте, перед моими со-мкнутыми веками, не ответ, лишь часть ответа. Все ответы скрывает волшебный фонарь, тот самый, трансформировавшийся впоследствии в «кино – это и правда 24 кадра в секунду», именно так я привык думать. И нет никаких причин, чтобы я стал думать иначе, даже теперь, когда вместо волшебного фонаря передо мной болтается пластиковый стаканчик с дырками. Сквозь них и просматривается часть ответа: залитая кровью ушная раковина (кому она принадлежала?), мертвый зрачок (как давно он мертв?), скорчившаяся фигура – ноги подтянуты к животу, как у эмбриона, лужа под ней – кровь, формалин?.. У меня кружится голова, а губы девушки, еще секунду назад такие плотные, такие осязаемые, вдруг перестают существовать.

Она и сама перестает существовать – я готов поклясться в этом!..

Фотография на стене напротив: не Тинатин, но и не Наоми, не Кристи Терлингтон, всего лишь урбанистический пейзаж, складки домов в полузабытом стиле «courreges-

look»¹³ – фотография на стене напротив просматривается великолепно. Появись сейчас Лора – я увидел бы даже частички туши, осыпавшиеся с ее ресниц. Но Лоры нет, хотя заявленные ею тридцать секунд давно прошли. Или и не думали начинаться?

Лоры нет.

Два сортирных бодигарда – вот что я вижу вместо Лоры и – что еще нелепее – вместо Тинатин. Два сортирных бодигарда и плейбой с разными глазами между ними.

Я ошибся, у него не разные глаза – самые обыкновенные, в масть друг другу, никакой дисгармонии, никакого неудобства, вот только когда я ошибся – сейчас или тогда? И на плейбоя он не похож, разве что на младшего брата sarungo, более удачливого, более респектабельного, без привкуса амфетамина на языке, без пороховой гари на ладонях – костюм от «Brioni» против селедочного хвоста. Троица дефилирует мимо меня, инцидент у оскалившихся писсуаров забыт напроочь, да и кто бы стал на нем циклиться?.. Циклюсь обычно я, и по более ничтожным поводам, повод находится и теперь: затылки.

Затылки у всех троих выбриты одинаково тщательно, сто к одному: так же тщательно выбриты у них подмышки, а грудь и вовсе выщипана иорданской нитью – беспроегрышный вариант для piri-party с полной обнаженкой и ссанием на танцпол в финале вечера.

¹³ Космический дизайн.

Ненавижу таких типов.

А этих, сорвавших показательный поцелуй Тинатин, втройне ненавижу, чтоб вы сдохли, гребите отсюда подальше, сукины дети!..

Приступ ненависти проходит так же внезапно, как и начался, – бодигарды и их владелец исчезают из поля зрения – это во-вторых.

Во-первых же (что делает второй и все последующие пункты совершенно необязательными), Тинатин возвращается ко мне.

Ну не совсем ко мне, она все в тех же полутора метрах, что и была. До поцелуя.

Единственное напоминание о нем – привкус пластикового стаканчика. Дурацкий привкус – и больше ничего, но и этого мне хватит надолго, я влюблен, я отчаянно влюблен. И ничто не изменит существующего положения вещей, даже если залитая кровью ушная раковина окажется со временем моей собственной.

– ...Мы остановились на кошках, попавших под асфальтоукладчик, – говорит Тинатин.

Мы остановились на поцелуе, и я предпочел бы развить именно эту тему – желательно в другой обстановке, зачем-то же она поцеловала меня?

– Мы остановились на Дне святого Валентина, если уж быть совсем точным.

– Хотите прислать мне открытку?

– Не с кошкой, но...

Таким беспомощным я не был никогда, детство под сенью папашиных девок не считается, кто будет помнить о детстве за шкафом в промозглой квартире, с куском мела под подушкой, – кто согласится помнить?..

– Не с кошкой, Тинатин, – я произношу ее имя вслух, кажется впервые. – Что-нибудь более оптимистическое.

– Что-нибудь вроде кретинского сердечка, – высказывает предположение Тинатин. – Обычно его пристраивают к воздушному шару. Мерзость.

– Необязательно к воздушному...

– Я не хочу быть исключением из правил. Пришлите мне кошку.

«Пришлите мне кошку», – говорит она, хотя совершенно ясно, что адреса я не дождусь, вот если бы Валентинов день случился завтра, а еще лучше вчера... Если бы – тогда бы у меня еще был призрачный шанс, но Тинатин не из тех, кто способен зафиксироваться на одном человеке дольше пары часов – или пары дней, если повезет.

Пара дней предпочтительнее.

Уже потому, что между ними существует ночь. Провести с ней ночь... м-м-м... Мысль, достойная монографии Жан-Луи, – и безнадежная, как сама монография. Конца ей не видно.

– Лора – ваша подруга, Макс?

– Лора – это Лора. – Я встречаю напоминание о Лоре скре-

жетом зубовным, слышит ли его Тинатин? – С Лорой нужно держать ухо востро.

– Вы полагаете?

– Просто хочу предупредить. Не обольщайтесь насчет нее, Тинатин. Она всех встречает с распростертыми ногами.

– А я и не хочу быть исключением из правил, – Тинатин нисколько не шокирована.

– Она шлюха. Дешевая шлюха, вот что я хотел сказать. Для нее раздеться догола перед десятком распаренных мужиков – не вопрос.

Ни разу не видел Лоры, раздевающейся перед десятком мужиков, – но разве это имеет значение? Никакого. Точно так же, как все, сказанное сейчас мной, не имеет никакого значения для Тинатин.

– Но согласитесь, Макс... Это лучше, чем раздеться исключительно для гринписовской акции в поддержку искусственного меха.

Карусель в моем мозгу движется все быстрее, Лора (облупленный верблюд) и Тинатин (олень со спиленными рогами) держатся за руки еще крепче, смеются еще заразительнее – подтяни штаны, бэбик. Подтяни штаны и купи нам мороженое, а потом можешь отправляться восвояси, пить паленую водку в компании такого же неудачника Жан-Луи. Жан-Луи примет и без водки, достаточно пива, но зачем Тинатин поцеловала меня?

Зачем-то же она сделала это?

– ...Я умерла бы, если бы вы меня не дождались!..

Лора. Легка на помине. Старый трюк, ее «вы» относится исключительно к Тинатин. Чем оно пафоснее, чем вежливее сама Лора, тем нестерпимее ей хочется затянуть кого-нибудь в постель. Кого-нибудь, ха-ха, ей хочется затянуть в постель Тинатин, гнусность какая!..

– Макс наверняка наговорил обо мне кучу гадостей, – Лора улыбается своей самой ослепительной улыбкой, до сегодняшнего дня ее вызывало лишь известие о повышении гонорара.

– Он сказал, что вы шлюха, – тут же сдает меня Тинатин.

– Шлюха?

– Дешевая шлюха.

– Вот как? – Плакала моя дружба с Лорой, да и плевать мне на ее дружбу. Положить с прибором. – Он ошибся, Тинатин. Во всяком случае, на мои услуги ему ни разу наскрести не удалось.

– Он сказал, что вы легко можете раздеться перед десятком мужиков. Э-э... распаренных мужиков.

– В сауне, что ли? – живо интересуется Лора.

– Не знаю. Макс не уточнял.

– Перед десятком – это вряд ли. Но перед вами, Тинатин... Перед вами я бы разделась.

Котировки облупленного верблюда растут, и как только Лоре, этой извращенке-многостаночнице, удастся так убийственно флиртовать?

– Может, мы обсудим это в другом месте?..

Зачем Тинатин поцеловала меня? Мысль о том, что то же самое она проделает и с Лорой, мне невыносима.

– Собственно, это я и хотела предложить.

Сеанс поездки на карусели закончен, Лора и Тинатин перебираются на другой аттракцион, судя по вибрации воздуха вокруг Лоры (Тинатин по-прежнему абсолютно спокойна), следующий пункт программы – американские горки. Я снова остаюсь за бортом, с двумя порциями подтаявшего мороженого в руках: от мороженого дамы отказались.

Я остаюсь за бортом, еще более одинокий, чем когда-либо.

«Ты еще одинок? К нам каждую субботу приходят 2000 человек, и почти все ищут друг друга, розыгрыш “Peugeot 106 Sketch Diesel”, приз за самую короткую юбку, приз за самое оригинальное tattoo в самом оригинальном месте, забойное техно, русский поп, D Baba Klawa».

Сегодня – не суббота.

Сегодня – не суббота, из двух тысяч человек, из двадцати тысяч человек, из двухсот тысяч человек мне нужна лишь Тинатин, если бы она выбрала младшего брата сарунго или самого сарунго – я бы смирился, во всяком случае, я смог бы это понять. Но Лора...

Они уходят.

На свои проклятые американские горки, в вертеп на Кон-

ногвардейском, куда же еще, «ЖЖ»-феминистки могут торжествовать: «если ты до сих пор спишь с женщиной, это значит, что ты еще не встретила настоящую женщину».

У меня совсем не остается времени, чтобы убедить Тина-тин в том, что Лора ненастоящая.

Насквозь фальшивая сука, фальшивее только голосишко ее обожаемой ане В. Фальшивее только массажные пассы ее обожаемого Хайяо, прирожденного убийцы. Фальшивее только ее статейки в «Полном дзэне», таком же фальшивом насквозь: последний Альмодовар – педофилический отстой, последний Сорокин – копромуя, последние «Dead Zorros» – лучше бы и вправду умерли, вы ничего не слышали о «Dead Zorros»? тогда мы идем к вам!.. Мы приближаемся – под тихое шуршание страниц и аккомпанемент «Гындул Мыщей»¹⁴, вот на чем отрывается сегодня продвинутый пипл. «Гындул Мыщей», бурятское горловое пение и мусс из авокадо, во всем легкий привкус эротизма, особенно в муссе.

Эротичны ли мысли кошки?

Мысли фальшивой суки Лоры, безусловно, эротичны, если то, что плавает в лохани ее черепа, можно назвать мыслями, так, несколько слоев дерьма: нижний – цитатки из инфо о «ЖЖ»-юзерах, верхний – тупорылый корпоративный юмор: *вчера видела в кустах на КанГрибе отрезанную голову Ренаты Литвиновой... а-а, это была голова твоего ризенинауцера, гы-гы, бу-га-га, нахх!..* Фальшивая сука

¹⁴ «Мысли кошки» – молдавская рок-этно-группа.

Лора навскидку назовет пятьсот самых выдающихся деятелей мировой культуры, включая Рокко Сиффреди, порноактера, и Маноло Бланика, дизайнера обуви. С Маноло ей бы хотелось перепихнуться, с Рокко Сиффреди – нет, не потому что Рокко – бескрылый профессионал, а потому что у Маноло, по скромному разумению Лоры, есть главное. Обувная колодка.

На нее можно насадить любую дырку, ей можно со свистом прочистить любое отверстие, вопрос об индивидуальной переносимости организма не стоит. Организм перенесет, секс-игрушки для взрослых детей влекут его непреодолимо.

У Лоры тоже есть набор обувных колодок, вполне профессиональный: жратва нон-стоп, *голубые устрицы во льду: вы когда-нибудь пробовали голубых устриц, милый мой, когда их разделяешь, они пищат на три тона выше, чем обыкновенные; голубые мальчики у шеста: вы когда-нибудь пробовали голубых мальчиков, милый мой, когда они кончают – они пищат на три тона выше, чем обыкновенные; шмотье нон-стоп, галифе, похищенные прямоком из пафосной коллекции «Zoo Suburbano»¹⁵*, никаких зипперов – брюнетистые пуговицы, блондинистая строчка, *вы когда-нибудь пробовали брюнетистые пуговицы, милый мой: когда их растягиваешь, нельзя и предположить, что скрывается за ними, – возможно, тру-*

¹⁵ «Пригородный зоопарк» (ит.).

сишки «стринг-танга», они разжижают мозги не хуже романов Кастанеды, но возможно...

Возможно – самое упоительное путешествие, города на холмах, в них всегда идет дождь, в них всегда одна улица, на которой вы обязательно разминетесь, в них всегда один мост – для влюбленных и еще один – для самоубийц, важно не перепутать; в них не варят горячий шоколад, в них нет первых этажей, но нет и последних, только мансарды. О, эти мансарды со стенами, оклеенными почтовыми марками экзотических стран, с постелями, заросшими папоротником, лучше не придумаешь, лучше не бывает, во всяком случае, на спине всегда остается узор от листьев: он держится долго, он будет держаться так долго, как долго вы будете заниматься любовью, ну что там за срань с пуговицами, милый мой, вы до сих пор не растянули?.. смелее, иначе трах нон-стоп вам не обломится никогда.

Трах нон-стоп. Все Лорины гламурно-провокационные базары, шмотки и жратва – лишь подводка к нему, в его свете гипотетический перепихон с Маноло Блаником и его обувной колодкой можно считать обменом опытом.

Фальшивая сука.

Я вижу сучью спину и рядом – другую спину, без ангельских крыльев, но с тонкой плетью позвоночника – плетью или это все-таки стек? Неважно, и то и другое одинаково больно хлещет меня по лицу, сечет по глазам, с оттягом,

единственное, что мне остается, – привкус пластикового стаканчика, а сочинять истории про города на холмах я не ма-стак.

Но я легко могу их представить, не истории – города с одной улицей, на которой мы обязательно разминулись бы с Тинатин. Даже если улиц было бы несравнимо больше, мы все равно разминулись бы, даже если на каждой из них было бы по кинотеатру – мы все равно разминулись бы, Тинатин не производит впечатления девушки, живо интересующейся экранными тенями.

Она и сама скоро станет тенью.

Совсем скоро. Сейчас.

– Макс!..

Я не верю своим ушам. Глазам, впрочем, тоже не верю, как можно поверить в то, что Тинатин останавливается – у самого края воронки, куда Лорино неумное либидо готово затянуть ее? Но Тинатин останавливается.

– Не отставайте, Макс!..

Это может означать только одно: я принят в компанию карусельного секонд-хенда, вряд ли это понравится Лоре, дважды, трижды не понравится, пусть так, но выбор всегда останется за Тинатин.

* * *

Этот город незнаком мне. Этот дождь – тоже.

Когда-то, каких-нибудь три часа назад, он назывался Санкт-Петербургом, я прожил в нем всю жизнь, кратковременные отлучки не в счет, кратковременные женщины не в счет, изменить привычный ландшафт они не в состоянии.

Теперь же привычного ландшафта не существует.

Не то чтобы он был так уж непохож на себя, я все еще различаю знакомые силуэты домов и ту ломаную, почти готическую линию, которая образуется в месте соединения неба и крыш, на этом сходство заканчивается. Интересно, узнает ли ландшафт Лора, ни у кого из нас нет зонта, вот что сейчас нам необходимо – зонт. Неважно какой – со сломанными спицами, найденный в ближайшем кафе, украденный у старика, задремавшего в автобусе, ничто так не сближает влюбленных, как ритуал мелкого воровства совсем уж бесполезных вещей. Исходя из этого, мы с Лорой, одинаково влюбленные, должны броситься друг другу в объятия, совсем как в фильме «Мужчина и женщина», Трентиньян – Эме, Эме – Трентиньян, гоночное авто и дети в отдалении, они не влюблены друг в друга. Но фишка в том, что Лора и я тоже не влюблены друг в друга, вся сила страсти – и моей, и Лориной – направлена на один объект:

Тинатин.

Тинатин, стоящую в отдалении, как дети, как гоночное авто. Тинатин, ни в кого из нас не влюбленную. И я готов вынести эту ее невлюбленность, лишь бы быть уверенным: она распространяется и на Лору. Но как я могу быть уверенным,

я не уверен даже в собственном городе.

В дожде тоже есть что-то неестественное.

Он застаёт нас врасплох, три часа назад на него и намёка не было, это, конечно, можно отнести к особенностям Эс-ПэБэ-климата: погода здесь лжива, как привокзальный наперсточник, вот только дурацкий дождь... Его сюжет, если у дождей вообще могут быть сюжеты, чем-то неуловимо связан с Тинатин. Да что там «неуловимо связан», он так и вертится вокруг Тинатин, стоит ей опрокинуть вверх обе ладони, под прямым углом к запястьям – подобно древнеегипетской жрице, как над ними тотчас же вырастают два водяных столба; дождь укутывает Тинатин, обволакивает ее – что ж, его нетрудно понять. Я, во всяком случае, понимаю.

Как будет развиваться наш собственный сюжет – неизвестно.

Со стороны (со стороны дурацкого дождя?) это выглядит примерно так: две девушки и парень в предчувствии группенсекса, времени на покупку свечей в супермаркете не остаётся, времени на помывку в душе и интимное бритьё по линии бикини не остаётся, начать можно и у дверей квартиры. Пока одна из девушек, путаясь в единственном ключе, пытается их открыть, другая нежно целует ее в шею. Парню же достаются тылы – две задницы, упругие, как мячи для гольфа, от искушения ударить по ним со всей дури спасает лишь отсутствие клюшки.

Впрочем, и в легком синхронном поглаживании («сти-

мулировании любимых (ой) жоп (ы)», как завернули бы «ЖЖ»-феминистки) есть свое безусловное очарование.

Все становится не таким безусловным и гораздо менее очаровательным, когда дело доходит до наспех сброшенных у постели вещей: групповухи не будет. С кем угодно, ее сеансы можно проводить с кем угодно, любителей дешевого плотского спиритизма навалом, искусанные, измятые соски, как обычно, соответствуют тринадцатой карте аркана Таро, только они и просматриваются в пустых глазницах.

Групповухи не будет, представить ее с Тинатин невозможно.

Зато легко можно представить себе Лору, задушенную собственным лифчиком, именно это я и представляю, а заодно представляю себя, стягивающего бретельки под Лорины-ми шейными позвонками, она хрипит в предсмертной агонии – и это тоже соответствует тринадцатой карте аркана Таро.

Никаких угрызений совести с моей стороны, как тебе такой сюжетец, Лора?.. Или ты думала, что я буду спокойно смотреть, как ты тискаешь девушку, в которую я отчаянно влюблен? Чтобы непоправимого не случилось, лучше бы тебе отсидеться на кухне, в носках из козьего пуха и рубашке: темно-бордовые геральдические лилии на кремовом фоне, рубашка тринадцатой карты аркана Таро выглядит так же.

Меня куда больше интересует карта номер шесть, хотя шансы вытащить именно ее невелики.

«Любовники».

Но пока Тинатин обволакивает, укутывает только дождь.

А я все еще переживаю несостоявшуюся Лорину смерть от моей руки, от двух моих рук, сцена убийства видится мне в эстетских тонах каммершпиле, сраным Миике с Тарантино ни в жизнь такого не снять, все, кто мог снять такое, мертвы не один десяток лет. Все, кто мог снять такое, загнулись еще до звуковой эпохи в кино, что совершенно справедливо: уважающее себя убийство всегда происходит в полной тишине.

Или это убийцы глухи ко всему?..

Почему я вдруг подумал об этом, почему я вообще об этом думаю, может быть, все дело в поцелуе Тинатин? Водить жалом без последствий – нереально, мои 37 и 2° по утрам в понедельник, моя дурная, застоявшаяся под кожей кровь – может быть, именно это и привлекло Тинатин и поцелуй был вовсе не так бессмыслен, и дурная кровь стала еще дурнее? И что она выудила из меня, пока целовала? Папашу и его самок, папашу и его собачий поводок, истории пятнадцатилетней давности, к которым мне никогда не хотелось бы возвращаться, – о нет, только не это!..

Только не это – Лора щелкает пультом центрального замка, но отзывается не ее скромняга «Мицубиси Талант», совсем нет. «Порш» г-жи Паникаровской. Журнальная стерва доверила Лоре свое сокровище, я поверить не могу в такое неожиданное великодушие. Нужно быть очень убедительным, чтобы заставить г-жу Паникаровскую расстаться с

«Поршем» хотя бы на время, нужно найти причину не менее вескую, не менее впечатляющую, чем, к примеру, косметический карандаш «Bour ous», noir & blanc, *белый стержень – мне нужна твоя помощь, милый, совсем крошечная, в 612 лошадок, черный стержень – твоему муженьку во- все не обязательно знать о той паре сотен лоцманов, которая прокладывала курс в твоей м-м-м... манде, не так ли?* На черный стержень всегда можно положиться, он заставляет играть – и глаз, и очко, вот г-жа Паникаровская и сдалась на милость победи- теля.

– ... Прошу.

Лора распахивает перед Тинатин переднюю дверцу: как бы там ни было, им снова достаются сдвоенные билеты в один ряд, мне же приходится довольствоваться галеркой.

В салоне пахнет кожей, но это не респектабельный запах сидений; скорее вонь от срамных причиндалов для садо-мазо-интермедий: жилеты с заклепками, шорты с кольцами, фуражки с высокой тульей, браслеты и ошейники, как обязательный элемент порнообруи. Если хорошенько порыться под ковриками – наверняка можно обнаружить и воспоминание о хлыстах; вся эта кожаная вонь и есть воспоминания. Владелицы «Порша», слишком неотступные, слишком трепетные, легко укладывающиеся в детскую считалочку «Вышел месяц из тумана...»

Буду резать, буду бить, все равно тебе водить.

Лора отжимает волосы.

У нас почти одинаковые стрижки, теперь одинаково мокрые стрижки, волосы Тинатин не в пример длиннее, но отжимать их незачем. В жизни не видел таких восхитительно сухих волос, ни одна капля дождя не упала на них.

Странно.

– Немного музыки, если вы не возражаете, Тинатин. Я вижу быструю улыбку Тинатин в зеркале заднего вида.

– Не возражаю. Нет.

«Немного музыки» – звучит как «немного секса», голос Лоры балансирует где-то на грани ультразвука, кажется, он существует отдельно от Лоры, заполняет каждый миллиметр свободного пространства салона – несвободного, впрочем, тоже, открой я пепельницу, и там обнаружится чертов Лорин голос, мягкий, податливый, разбухший от желания.

Слава богу, обходится без ане В., что только подчеркивает неординарность ситуации: саксофон и гитара, джазовый мейнстрим, Великий Гатри легко бы обнаружил в нем следы ортопедической обуви Денниса Марчеллино; джаз призван успокоить экзотического зверька по имени Ти-на-тин: ничего не бойся, никто не причинит тебе зла, совсем напротив.

Все будет феерически.

Тинатин не проявляет никаких признаков беспокойства. Беспокоится Лора, во всяком случае, ей не сразу удастся завести двигатель, это отбрасывает легкую тень на дальнейшее развитие событий: что если ей также не удастся завести Тинатин?.. И что именно потребуется, чтобы завести

Тинатин, – умение расстегивать пуговицы языком? умение нашептывать на ухо очаровательные непристойности? умение втягивать губами клитор в стиле rhythm-&-blues? демонстрация члена на ремнях?.. Лорин затылок напряжен – она до сих пор не решила, на каком варианте остановиться, возможно, их будет несколько, комбинированных. Возможно, придется задействовать все.

Тинатин – крепкий орешек, бедная Лора.

Я почти сочувствую ей, что совсем не мешает мне вожделеть Лорин затылок, стянутый бретельками от лифчика. Хруст позвонков (я уже слышу его) отлично вписывается в джазовый мейнстрим. Но... Мне явно не хватает только хруста, бескровная смерть вовсе не кажется убедительной.

Вот оно что – кровь. Засранная кулинарными и сексуальными излишествами кровь Лоры.

Лишь она сможет меня успокоить. Умиротворить. Я жажду крови – впору вытащить из кармана полузабытый галстук Брэндона и припасть к нему пересохшим ртом. При условии, что ни Тинатин, ни мой визави у писсуара не солгали и на галстук действительно есть черно-красные свежие пятна.

Галстук всучила мне Лора. Круг замкнулся, опасная бритва подойдет. Вопрос в том, есть ли у Лоры опасная бритва? Плевать, кухонный нож в любом случае найдется.

«Режу горло. Качественно. Недорого» – из инет-ссылок, сброшенных Пи.

Неужели я и вправду решил избавиться от Лоры таким

кардинальным способом? Меня знобит, но дело вовсе не в промокшей одежде, я не такой дурак, чтобы успокаивать себя подобным образом, ни один убийца не дурак, даже несостоявшийся, утешает ли меня это или нет? Пока все напоминает игру, но не дай бог Лоре коснуться Тинатин, не губами – хотя бы пальцем...

Что она и делает.

Рука Лоры соскальзывает с переключателя скоростей и – случайно, конечно же, случайно! – накрывает руку Тинатин.

Тесак. Наверняка у Лоры есть тесак. Кухонная утварь – ее слабость. Из того немногого, что я знаю о Лоре, не касающегося ее дурацкого Хайяо, дурацких статей и дурацкой бисексуальности: она всегда сжигает выпавшие волосы в пепельнице и коллекционирует кухонную утварь.

Тинатин и не думает убирать руку.

Но целовала-то она меня!..

Теперь это не имеет никакого значения. Ревность, банальная ревность плющит меня по сиденью, швыряет из стороны в сторону (Лора, Лора, ты ведешь чужой «Порш» не очень-то аккуратно!), на одной из сторон стоит задержаться, мне не хотелось бы, но... Кто будет спрашивать о чем-то двенадцатилетнего сопляка? Я снова кажусь себе сопляком. Двенадцатилетним. Ревность, банальная ревность сделала меня таким, теперь мне легко выпасть из собственных штанов, рукава рубашки непомерно длинные, три презерватива можно смело презентовать папаше, хотя зачем ему презервативы,

он и не пользовался ими никогда; год, когда мне исполнилось двенадцать, тоже прошел под знаком ревности.

Я ревновал.

Буча Кэссиди к Санденсу Киду. Санденса Кида к Бучу Кэссиди.

«Буч Кэссиди и Санденс Кид». Первая надпись, которую я сделал мелом на задней панели платяного шкафа. Окно с одной стороны, платяной шкаф – с другой, два метра на три, вот и все жизненное пространство, в него входила еще раскладушка, даже стул не помещался. Потом количество надписей увеличилось, но Буч и Санденс были первыми. Они могли быть какими угодно, но только не похожими на папашу. Я так и представлял их – непохожими.

Единственное, чего я не знал тогда, – в фильме они катались на велосипеде.

– Не громко? – спрашивает Лора у Тинатин.

Очевидно, это относится к музыке, но неумеренное потребление соусов приучило Лору к вязким подтекстам: не слишком ли громко стучит мое сердце, милый?

– Не громко. Нет.

– Отлично. Нам нужно заправиться. Здесь неподалеку бензоколонка.

Бензоколонка и вправду оказывается неподалеку, спустя пять минут «Порш» торжественно въезжает на нее. Дождь все не прекращается.

– На минуту, Макс.

Лора предлагает мне выйти из машины вместе с ней, вряд ли дело касается пистолета, который нужно галантно сунуть в бак, Лора и сама бы с этим справилась, как справляется уже тысячу лет; ей просто не хочется оставлять нас наедине друг с другом. Я бы тоже не оставил.

– Собственно, зачем?.. – пытаюсь вяло сопротивляться я.

– Мне нужна твоя помощь.

Я снова вижу быструю улыбку Тинатин в зеркале заднего вида. Ситуация ей знакома, подобные ситуации разыгрывались в ее жизни не раз, одним отчаянно влюбленным никогда не ограничивалось, радиус поражения Тинатин намного шире: развороченные животы, расколотые черепа, ранцы, заляпанные кишками, – мародерам и маркитанткам из обоза будет чем поживиться. Тинатин и есть главная маркитантка, единственная маркитантка – на всю армию, на все армии, кажется, я знаю пару десятков войн, которые произошли из-за нее.

– Макс!..

– Я иду.

Я иду за Лорой – не так быстро, как хотелось бы самой Лоре, но гораздо быстрее, чем хотелось бы мне самому. Почти в рапиде мы проплываем мимо парня в промасленном оранжевом комбинезоне; этот местный дурачок, белобрысый, как и положено дурачкам, встречает появление Лоры одобрительным посвистыванием. Еще три часа назад я и сам насвистел бы что-нибудь, тема из «Mission impossible» подо-

шла бы, Лора и впрямь ничего себе: мокрая одежда, облепившая фигуру, лишь подчеркивает это. Узкие бедра конечной стервы лишь подчеркивают это.

Забирай их себе, дурачок.

... Укромным это место не назовешь – магазин при заправке, масла, фильтры, газировка и фасованные фисташки, но у Лоры нет ни времени, ни желания искать более подходящий вариант. Она жаждет выяснить отношения здесь и сейчас – именно жаждет: губы ее пересохли и даже, кажется, покрылись струпьями, разительный контраст с влажным от дождя лицом, влажными волосами.

– Сейчас ты уйдешь, – говорит мне Лора.

– Ага. Разбежался.

– Сейчас ты уйдешь. По-английски, чтобы не волновать девушку.

– Специалист по Англии у нас ты, Лора.

Я не так уж далек от истины, Лора несколько раз летала в Лондон – в период бурного увлечения малоизвестным рок-музыкантишкой, липким, как овечий сыр, концептуальным, как овечье дерьмо; презерватив с овечьей спермой педантично завязывается в узелок и отправляется в мусорный контейнер для органических отходов – из этого Лора выдоила цикл статей «Места и вещи». Вряд ли она помнит об этом. Здесь, в магазинчике при заправке, уж точно не помнит. Тинатин – это не удар по пяткам, как в случае с Хайяо, и не легкий укус во влагище, как в случае со всеми остальными. Тина-

тин призвана для того, чтобы разрушить весь организм до основания, разбитое керамическое сердце – лишь вершина айсберга.

Понимает ли это Лора так же, как понимаю я?..

– Я еще большой специалист по выкидыванию с работы шелудивых псов.

– Шелудивых псов?

– Таких, как ты, Макс.

Она могла бы и не говорить этого, все и так очевидно, хозяйский «Порш» – на ее стороне, на моей – только небрежный поцелуй Тинатин, но он перевешивает. Он перевесил бы не только «Порш», но и трейлер «Volvo», груженный пятилетними тиражами «Полного дзэна»; он перевесил бы даже велосипед Буча Кэссиди с Санденсом Кидом и их подружки, а о кино я могу порассуждать и с Жан-Луи в его говенном видеопрокате.

– Ничего не выйдет, Лора. – Я абсолютно спокоен.

– Ты сомневаешься?

– Сомневаюсь, что ты нравишься ей больше, чем я.

Сил в Лоре оказывается немерено, под стать персонажам из комикса «Супербратья Марио», при желании она могла бы взлететь (Oh!), остановить товарняк (Oops!), опрокинуть третьеразрядный небоскреб (Wow!) – и все эти силы направлены сейчас против меня: я оказываюсь прижатым к стойке с тормозной жидкостью, правое колено Лоры угрожающе покачивается в двадцати сантиметрах от моего паха, правая

рука почти сжимает мне горло.

Ей и бретельки от лифчика не понадобятся.

– Не стой у меня на дороге, Макс.

– Я могу отступить в сторону...

– Так-то лучше.

– ...но это не значит, что на твоей дороге... что на твоей дороге окажется она. Что ты вообще там ее обнаружишь.

Загнул так загнул. Как раз в духе незабвенной фильмуаровской киношки «Ночь и город», классика жанра, уж не помню, видел ли я ее, или мне, как обычно, только кажется, что видел. Для полноты ощущений не хватает только шляпы борсалино. И сильно эрегированного ствола тридцать шестого калибра.

Если бы у меня был ствол!..

Если бы у меня был ствол, я, не задумываясь, вклеил бы Лоре пулю между глаз; это место – «между глаз» – просматривается сейчас лучше всего. Лора не выщипывала бровей по меньшей мере неделю, что совсем непростительно для девушки, пытающейся склеить фарфоровую рыбку Тинатин. Я замечаю сразу несколько волосков, выглядят они не очень аппетитно, что-то вроде сдвоенной X (Y?) – хромосомы, не этим ли объясняется неумное влечение Лоры к обоям? Сдвоенная хромосома еще не означает тотальной неадекватности реакций, так, вялую предрасположенность ко всякого рода «штучкам» – от перверсий до пожирания зубной пасты между четырьмя и пятью часами утра; пункт

в анкете для приема на работу в «Полный дзэн» – «Ваш любимый серийный убийца» – тоже внесен Лорой.

Сейчас Лора явно неадекватна.

– Вот еще что, милый... Хамить мне не стоит. Иначе полетишь отовсюду. Уж поверь старушке Лоре.

Представить себя «летающим отовсюду» во всей красочности картины мне мешает наличие стойки с тормозной жидкостью: ее услугами я могу воспользоваться в любой момент, да и стоит она недорого. Не дороже посиделок в псевдояпонском фастфуде у метро «Чернышевская».

– Собираешься отлучить меня от ресторана «ПалкинЪ»? – Я вкладываю в свои слова всю иронию, на какую способен, исходя из близости Лориного колена к моему паху. – Удзаттэ! Усекла?

«Удзаттэ» – странное словообразование, имеющее хождение в «Полном дзэне», опять-таки с подачи Лоры. «Удзаттэ» – шадящий вариант сакраментального «Пошла ты в...» (орган можно подставить самостоятельно). «Удзаттэ» – Лора выудила его из самурайской ноздри Хайяо. Я, в отличие от Пи и самой Лоры, пользуюсь им редко, теперь самое время воспользоваться.

– Ты пожалеешь, Макс...

– Удзаттэ.

Удзаттэ. Удзаттэ. Удзаттэ. Жалеть поздно. Все уже случилось. В то самое мгновение, когда я впервые увидел Тинатин. Вся моя жизнь теперь будет другой. Иной. Вряд ли я и сам

до конца понимаю, насколько иной она будет, но собственная дурная кровь не даст себя обмануть, распад происходит на молекулярном уровне, X (Y?) – хромосомы удваиваются, утраиваются, образуют квинтеты и секстеты, чтобы впоследствии снова разбежаться по углам, волоча за собой тенор-саксофоны... Выживает сильнейший, выживают супербратья Марио, водопроводчики; Лоре гораздо легче двинуть меня локтем в кадык, чем мне накрутить на руку ее короткие волосы, да и хрен с тобой, Лора. Удзаттэ!..

– Решать не тебе, Лора.

– И не тебе, милый.

Выбор всегда остается за Тинатин, она ждет нас в «Порше», с нашей стороны было величайшей глупостью оставлять ее без присмотра, стоит ли уповать на ливень? – он всегда будет на ее стороне.

– Эй, у вас все в порядке?..

Местный дурачок, патлатый дух бензоколонки, я даже не заметил, как он нарисовался. Дурачок жаждет вступить за промокшую очаровашку Лору и для убедительности поигрывает желваками на скулах. Недоношенный среднерусский Рокко Сиффреди, мать его. Чмо в униформе и с куском гамбургера, застрявшим в зубах, тело представляет собой полный комплект геометрических фигур – от трапеции до параллелепипеда, такие типы всегда нравились Лоре.

– Спрашиваю – помощь не нужна?

– Нет. Спасибо.

Дурачок разочарован. Чутье обмануло его – наверное, впервые за последние несколько лет; такие типы всегда нравились Лоре, таким типам всегда нравилась Лора, притяжение всегда взаимно, секс на капоте (на заднем сиденье, в подсобке, на козлах в столярной мастерской) всегда – до полного отупения, быстрее, глубже-о-о-h! oops! wow!.. а не попробовать ли нам шланг от бензоколонки, это должно усилить о-о-Ы-оргазмические ощущения, экстрим-бонус, why not?..

Так должно быть – по соображению дурачка. Но вместо этого он получает довесок к гамбургеру: «Нет. Спасибо».

Нет. Никакого секса на капоте, экстрим-бонус откладывается на неопределенное время.

Придется довольствоваться порнухой с гермафродитами.
– Может...

Он все еще не готов смириться с очевидным: надменная интеллектуалка, из тех, что дают без разбора всем подсобным рабочим (расхожий сюжет, второй по популярности после порнухи с гермафродитами), его бортанула.

– Отвяньте, молодой человек, – Лора категорична.

– Я бы на вашем месте не сдавался, – вступаюсь я за дурачка.

– Ты бы лучше закрыл пасть... на своем месте.

– У нее дурное настроение. – Мне все-таки удастся ответить колено Лоры от своего паха.

От дурного настроения существует универсальный рецепт, но сегодня, сейчас он неприменим.

– Заплати за пять литров, – бросает мне Лора.

– Да, мэм.

Мы с дурачком провожаем глазами выходящую из магазинчика Лору: плечи чуть шире порностандарта, талия – чуть уже, все остальное соответствует канонам, первая сцена, первый дубль, мотор!..

– Шикарная телка! – вздыхает дурачок.

Что, если «шикарная телка» вовсе не собирается ждать, пока я оплачу несчастные пять литров, к тому же она даже не сообщила марку бензина. А-98 по умолчанию? Или дизельное топливо тоже подойдет?.. Она не собирается ждать, ей нужно было просто отделаться от меня и увезти Тинатин, кто, как не Лора, способен на такую вероломную элегантность? На такое элегантное вероломство? Увезти Тинатин, сделать ручкой лошку-бэбику, выбирайся из этого зажопья сам, милый.

...Никуда они не уехали.

«Порш» стоит там же, где мы оставили его, – у колонки, крайней слева. Сама Лора – у передней пассажирской двери, никогда еще ее спина не выглядела такой растерянной.

– Что? – Я не узнаю собственного голоса. – Что случилось?

– Ее нет, – голоса Лоры я тоже не узнаю.

– То есть как это – «нет»?

– Она ушла... Ушла.

Выбор всегда остается за Тинатин. Не-выбор, похоже, то-

же. Ни мне, ни Лоре не повезло; то, что не повезло и Лоре, оказывается слабым утешением, слишком слабым: какое количество времени мы провели в чертовом магазине? Три минуты? Пять? Десять?.. Сколько бы ни провели – уход Тинатин кажется таким же иррациональным, как и ее неожиданное решение поехать с нами.

Раскатали губу, идиоты!..

Лора смеется.

Кто бы мог подумать, что между смехом и рыданиями такая короткая дистанция – не шире щели между зубов; но Лора не рыдает – смеется, надрывно, запрокинув голову, непрекращающийся дождь заливаает ей рот, еще мгновение – и она захлебнется. Захлебнется. Это было актуально три, пять, десять минут назад, но сейчас не имеет никакого значения.

– Раскатали губу, идиоты!.. Садись!..

– А бензин?

– Садись!

– Что ты собираешься делать, Лора?

– Садись!..

Искать надменную девушку с прямыми волосами бесполезно, да, вот еще что – очки... все равно бесполезно, дождь на ее стороне, я понимаю это сразу же, как только «Порш» срывается с места, Лоре требуется чуть больше времени. Но за это время можно было бы найти пропавшую собаку, бойфренда для глухонемой племянницы, лейкопластырь в ванной, СПИД в крови, разухабистый сайтец «Подрочи у Анти»

в Интернете.

Наши поиски Тинатин тщетны, Лора паркует «Порш». В трех кварталах от заправки.

– У тебя, кажется, была водка, – говорит она.

– Кажется...

О водке я и забыл.

– Лихо она нас. – Лора делает большой глоток.

– Лихо, – соглашаюсь я.

– Динамистка. Тварь. Ненавижу таких.

– Я тоже. Ненавижу.

Никогда еще мы не лгали друг другу с таким упоением, по лицу Лоры пробегает судорога, губы сжимаются и вновь разжимаются: странные рефлексорные движения, похожие на движение челнока, Лора тклет невидимую паутину. Напрасно, слишком поздно, Тинатин ускользнула, от нее не осталось ни волоска, ни ресницы, даже нитки с платья не осталось, я могу предположить, чем подрабатывает эта тварь, милый.

– Чем же, Лора?

– Продает ношеное белье в магазин для фетишистов.

– Ты права, Лора, ты права.

– Ненавижу одиноких тварей, которые возникают ниоткуда.

– Я тоже. Ненавижу.

«Beware pickpockets and lonely women»¹⁶.

¹⁶ Остерегайтесь карманных воров и одиноких женщин» (англ.).

Жестяная табличка с надписью над стойкой бара в мексиканском стиле, ей гораздо больше лет, чем самому бару; все остальное, включая факсимильную фотографию Сапаты, пару доморощенных попсовых сомбреро и флягу из тыквы, никакой особой ценности не представляет. Табличка с надписью не лишена смысла, у меня таки увели мелочь из кармана, а одинокую женщину мы с Лорой так и не встретили. Был еще жаждущий сексуального тепла Пи, но и Пи не повезло, дело ограничилось текилой (три по сто пятьдесят), лепешками из маиса и странным блюдом «муравьи, взбирающиеся на гору».

Действительно муравьи. Самые настоящие толстозадые муравьи, обронившие по дороге свою муравьиную матку. Пи стошнило.

– Не стоит больше пить, Лора.

– Удзаттэ, милый.

Лора все ткет и ткет паутину, я почти физически ощущаю это. Тинатин ускользнула, остался лишь Макс, шелудивый пес; паутина выдержит и пса. Руки Лоры, мокрые и клейкие, холодны как лед, она касается ими моего подбородка, она дрожит.

– Почему бы нам не сделать это, милый?

– Что, Лора?

– Что? То, что ты хотел сделать с ней. То, что мы оба хотели сделать с ней.

Лора обольщается на свой счет и на мой счет тоже. Мы

оба лишь «хотели сделать», а Тинатин – Ти-на-тин – сделала это. Без всяких усилий. Она нас поимела.

– Это глупо, Лора.

– Почему же? Давай, Макс.

– Прямо здесь? – трусливо бормочу я.

– Тебе не нравится «Порш»?..

Когда она успела поменять диск? Я снова слышу порочный голосок ане В., гольфы, как обычно, спущены, платыйшко едва прикрывает пуп, свежие трусики, волосы пахнут спермой и миндальным печеньем. «e taime... moi non plus»¹⁷, ничего другого ожидать не приходится – ни от Лоры, ни от ане В. Инфантильные истерики.

– Когда я плачу, слезы стекают и заливаются в уши...

– Не сходи с ума, Лора. И не стоит больше пить.

– Это цитата, милый. Тебе ли не знать?

– Цитата из ане В.?

– Из кого угодно. Мы с тобой способны лишь цитировать...

Для дамочки, в один присест вылакавшей полбутылки водки, Лора чересчур философична. Провокационный приемчик с глобальным обобщением – он, пожалуй, еще способен вызвать вялую дискуссию в среде «ЖЖ»-феминисток и примкнувших к ним менеджеров среднего звена: leave the comments¹⁸.

¹⁷ «Я тебя люблю, и я тебя тоже нет» (*фр.*).

¹⁸ Оставьте комментарии (*англ.*).

Все наши отношения – не более, чем comments, сноски на полях, все, что мы пытаемся впарить придурковатым тамаго-чи, – цитаты, им остается цитировать цитаты. Больше ничего. Самое подходящее занятие для дебилов, испытывающих мультиоргазм при одном упоминании такого же дебильного термина «культовый». Им наверняка понравилась бы эта сцена: парень встречает девушку, парень влюбляется в девушку, парень хочет поиметь девушку, желательно в угнанной машине, желательно с килограммом героина под сиденьем, желательно с чемоданом \$ в багажнике, крупные купюры, хеппи-энд необязателен... Губы Лоры, мокрые и клейкие, холодны как лед, она касается ими моих губ, она дрожит.

Губы Лоры – тоже цитата.

Ничего, кроме привкуса сотен других губ, силикон, слизи, соси, сука! суперкрем «Mary Key», голубые устрицы, голубые мальчики, болгарское лечо, почему бы нам не оттянуться на полную катушку? никаких чувств, и примитивная физиология не срабатывает.

– Можно обойтись и без поцелуев. – Не прозвучало ли это слишком грубо?... а-а, плевать.

– Как скажешь, милый.

Я мечтаю о пластиковом стаканчике.

И пока я мечтаю о нем, Лора взрезает мне рубашку. Взрезает – другого слова не подберешь, пуговицы отскакивают одна за другой, язык у Лоры острый, как бритва. И такой же

клеякий, как губы, как ладони. Полоска слюны на теле – он оставляет полоску слюны.

– А куда делся галстук?..

Галстук миляги Брэндона, не так давно мне хотелось припасть к нему пересохшим ртом, подобно начинающему вампиру, – вот и Лора о нем вспомнила. В самый неподходящий момент.

– Он в кармане.

– Чудно.

«Полный дзэн» сделал нас близнецами, мы не только дуем одинаково – даже соски у нас одинакового размера, что странно, у женщин соски крупнее по определению, или все дело в стиле унисекс, который Лора так неистово исповедует?.. Ничего, кроме привкуса сотен других сосков, силикон, суши, супербратья Марио, Сваровски – ювелирная фирма, Cosmopolitan – ровно полстраницы на сон грядущий, никаких чувств, примитивная физиология – наконец-то!..

– Соси, сука! – Не прозвучало ли это слишком грубо?.. а-а, плевать.

– Как скажешь, милый...

Мечтать больше не о чем, Лора делает это фантастически, главная героиня культового (о, где вы, тамагочи?!) фильмаца «Deep gullet»¹⁹ может отправляться на покой. Похож ли я на итальянского карабинера из аэропорта во Франкфурте, которого пользовала Лора, который пользовал Лору?.. Нашивок

¹⁹ «Глубокая глотка» (англ.).

и шевронов у меня нет, но с того места, в котором находится сейчас Лора, шевронов уж точно не разглядишь.

– Ты прелесть, о-о...

– А ты идиот, – Лора отстраняется, я оказался непохож на карабинера.

Или есть другая причина?..

– Теперь ты...

– Я?

– Трахни меня!..

Сиденья в «Порше» раскладываются в течение минуты, «Трахни меня» – еще одна малобюджетная срань, 20 строк в обзоре за декабрь позапрошлого года, французские инди²⁰ намного радикальнее штатовских, пистолетное дуло в заднице как вариант альтернативного секса, разнесенной в клочья задницей все и заканчивается.

– Трахни меня!.. Ну же!..

Спущенные брюки и задранное платье – не слишком романтично для сюжета «парень встречает девушку». Да и когда Гарри встретил Салли, все было совсем иначе. Что ж, ресторанные критики действуют гораздо жестче официанток, никакого рассусоливания, никаких мелодраматических соплей, лобок у Лоры выбрит тщательнее, чем выщипаны брови. Девка. Шлюха. Давненько я не трахал шлюх. Должно быть, итальянский карабинер думал о том же.

Я прилипаю к Лориному лобку – подобно тому, как кре-

²⁰ Независимые.

тиническая магнитная нашлепка прилипает к холодильнику. Остается выбрать подходящий сюжет нашлепки: Микки Маус made in China, Дональд Дак made in Taiwan, динозавр Рекс, слоненок Бимбо, лимон в ковбойской шляпе, апельсин со звездой шерифа, кукурузный початок с наивным взором Мишель Пфайффер, веселая корова с выменем Памелы Андерсон – «Я занимаюсь любовью лучше, чем готовлю»... Пожалуй, мне лучше всего остановиться на ковбойской шляпе.

Холод внутри Лориного тела обжигает.

Девка. Шлюха.

Ее руки не обвивают мне затылок, глаза ее открыты, но и мои открыты. С широко открытыми глазами я разряжаюсь в нее, ее спина выгибается дугой, так вот как выглядит родео, не потерять бы шляпу. Ковбойскую.

– Как ты? – задаю я Лоре обычный для таких случаев вопрос.

– Я в порядке.

– Тебе понравилось?

– Техника 4:7, артистичность – 4:1.

Вот что будет написано в долбанутом на всю голову «Live journal»: *«Сегодня перепихнулась с коллегой по работе, и что только на меня нашло? Техника – 4:7, артистичность – 4:1. На международные мы не попадаем. Памятка кающимся: не спите, где работаете, не нарушайте заповедей Христовых. Но пасаран, камарадос! Бандьера-росса!»*

Leave the comments.

– ...Слезай с меня. Разлегся.

– Да. Прости.

Некоторое время мы лежим рядом – задранное платье, спущенные брюки.

– У тебя маленькие соски, Лора... – говорю я для того, чтобы хоть что-то сказать. – Совсем детские...

– Ты трогал детские соски? Извращенец.

– Когда ребенок был ребенком...

– Заткнись, милый. Тем более что до тебя это уже сказали.

Действительно сказали. Я и забыл, но вспомнить не составляет особого труда: Вим Вендерс, педальный конек Парижа и Техаса, я уже не в состоянии отличить кино от реальности, она подкладывается под кадр, как Лора под меня, – и ничего, кроме холода внутри. Когда ребенок был ребенком, он и тогда не видел ангелов ни в небе над Берлином, ни в любом другом небе. Когда ребенок был ребенком, он мог лицезреть только пьяного папашу и собачий поводок, на котором папаша собирался повеситься. И папашиных шлюх, таких же черно-белых, как и ангелы Вендерса; ангелы, шлюхи – все они толкутся на крохотном пятачке между Лорой и Тинатин, если Лора – шлюха, значит, Тинатин – ангел?.. Вот откуда привкус пластикового стаканчика, ангельские крылья всегда казались мне сомнительной бутафорией.

– Она ангел, Лора...

– Господи, какой же ты мудака!

Лора отворачивается, в этом повороте головы столько презрения и столько муки, что становится ясно: она думает о том же, с той лишь разницей, что шлюха – я. Прекрасный жиголо – несчастный жиголо, как раз в духе престарелого марлен-дитриховского мундштука, хотя у нее, скорее всего, припасен для меня совсем другой эпитет.

С волосами Лоры происходит что-то странное.

Мне кажется, что они растут – прямо у меня на глазах. Вытягиваются в струнку, так будет вернее. Вытягиваются в струнку, становятся на цыпочки, им явно хочется быть длиннее, достигнуть плеч, хоть в чем-то походить на волосы Тинатин.

Бедная Лора. Бедный я.

Жалость к Лоре длится не дольше секунды, потом ей на смену приходит раздражение: не будь этой фальшивой суки, еще неизвестно, чем закончился бы мой вечер с Тинатин. Возможно, не так плачевно, возможно, мне удалось бы удержать ее, а не довольствоваться дешевым и безвкусным, как кофе из автомата, спарринг-сексом с (гы-гы, бу-га-га, нахх!) ресторанным критиком.

– Надеюсь, триппера у тебя нет, – говорит Лора.

– У тебя, надеюсь, тоже.

– Вообще-то я и не думала спать с тобой.

– Я тоже.

– Это худшее, что могло со мной случиться.

– Со мной тоже.

– Лучше бы я воспользовалась вибратором.

– Лучше бы я воспользовался порнухой с гермафродитами.

– Лучше бы ты воспользовался презервативами.

– У тебя середина цикла? Или все-таки триппер?

– Действительно мурак... Надеюсь, мы благополучно забудем об этом.

– Надеюсь.

Знает ли Лора то, что знаю я? Ничего мы не забудем. Каким бы дешевым и безвкусным ни был наш спарринг-секс, он посвящен ангелочку в черных очках, он случился сразу же после того, как ангелочек нас покинул. И мы всегда будем напоминать друг другу о существовании ангелочка, Лора влюблена – так же отчаянно, как и я, вот и волосы ее вытягиваются в струнку, становятся на цыпочки.

Впечатлительная натура, кто бы мог подумать!

Мы никогда не были особенно близки с Лорой, теперь что-то подсказывает мне – мы не расстанемся. Вряд ли это означает, что мы когда-нибудь снова окажемся в одной постели (в «Порше» или в «Мицубиси Талант», или в массажном салоне Хайяо), нет – достаточно будет не выпускать друг друга из поля зрения. Только это не даст нам забыть, что сегодняшний вечер был и что он был правдой. К тому же я несколько раз представлял Лору задушенной бретельками от лифчика, располосованной кухонным ножом – а такие воспоминания иначе как интимными не назовешь. Сегодня все

интимно. Даже слишком.

– Верни мне галстук.

– Что?

– Верни мне мой галстук.

– Да, конечно... Может быть, поужинаем где-нибудь?

– Ты это серьезно?

– Почему нет?

– Знаешь, милый... Что-то не хочется.

Узел «кристенсен» стоически сохраняет форму, он наверняка выглядит лучше, чем Брэндон на электрическом стуле.

– Подбросишь меня домой?..

Я готов услышать от Лоры: выбирайся из этого зажопья сам, милый, но она неожиданно соглашается. Учитывая дождь – очень гуманно с ее стороны.

...До дома мне добраться не суждено.

Всему виной широкие витрины «Пирелли» – чтобы проехать к моему дому, нужно миновать этот бар, затем перекресток со светофором, нервно мигающим желтым, и только потом свернуть за угол. За витриной «Пирелли» я вижу Жан-Луи, одинокого Жан-Луи с кружкой пива, одинокого – как обычно.

– Останови, – говорю я Лоре.

– Мы приехали?

– Почти. Здесь недалеко.

Дверца за мной захлопывается, но Лора и не думает трогаться с места. Кадр, достойный нуара: красный «Порш»

с красоткой под хлябями небесными, дрожащий неон вывески (две буквы из семи не горят), дешевая закусочная напротив, «я не боюсь фараонов, детка. Запомните это». Дождь становится сильнее, снова переходит в ливень, когда Лора выскакивает из машины.

– Что? – Дождь мне все равно не перекричать. – Что случилось?

– Ничего особенного.

Лора приближается ко мне, чуть медленнее, чем следовало бы, всему виной дождь, он путается у нее в ногах, на что я могу рассчитывать?

Прощальный поцелуй?..

Это было бы в стиле сегодняшнего вечера – прощальный поцелуй под хлябями небесными. Прощальный поцелуй не с той девушкой.

– Выпьем?

– Что?

– Пива. – Дождь мне все равно не перекричать.

– Что?

– Тогда кофе...

Лора дает мне пощечину, а спустя секунду – вторую, ни одна из моих щек не остается без внимания, Лора оказалась еще впечатлительнее, чем я думал.

– Все? – спрашиваю я.

– Теперь все.

– Тогда, может быть, кофе? Или пива?..

Когда «Порш» срывается с места, я думаю о том, что до места назначения он рискует не добраться. Лора близка к тому, чтобы разбить дорогую игрушку и разбиться сама; лучшее, что может с ней случиться, – штраф за превышение скорости и лишение прав за вождение автомобиля в нетрезвом виде: интересно, раздвигала ли она ноги перед сотрудниками автоинспекции?..

* * *

...Жан-Луи машет мне рукой.

Жан-Луи, единственный, кто в состоянии меня понять, одинокий Лу, влюбленный в несуществующую Мод, мое положение ничуть не лучше, с сегодняшнего вечера я тоже влюблен. Разница лишь в том, что Тинатин существует, привкус пластикового стаканчика прилип к моим губам намертво, даже если бы мне хотя бы на мгновение показалось, что это не так, есть еще Лора, она не даст мне забыть. В прошлый раз за стойкой стоял совсем другой бармен, больше смахивающий на байкера из рассказов Жан-Луи. Этот похож не на байкера – на молодого доматричного Киану Ривза, Киану – «прохладный ветер над горами», так это, кажется, звучит по-гавайски, китайская четверть Киану ничего в его имя не привнесла. Я плююсь на бармена-Киану как последний педик, за это можно и в табло схлопотать. Послематричный Ривз так бы и поступил, а этот нежный, печальный и поте-

рянный, совсем как в «Айдахо для меня одного» в последней трети. И порочный, как в первой. Меня так и подмывает спросить, позировал ли он для гей-порно. И если да, то где можно ознакомиться с результатами фотосессий.

– Кофе, – говорю я Киану.

– Кофе, – соглашается он. – Капучино? Эспрессо? Латте?

– Капучино.

– Я принесу.

– А пластиковые стаканчики у вас есть?

Киану смотрит на меня с сожалением, я сам смотрю на себя с сожалением: ладони, вцепившиеся в край стойки, кажутся прибитыми гвоздями, костяшки пальцев побелели, если бармен скажет сейчас «нет», я покину «Пирелли» в момент, взмою, вознесусь к чертовой матери, несмотря на гипотетические гвозди.

– А пластиковые стаканчики – это принципиально?

– В общем... Хотелось бы...

– О'кей. Я найду для вас пластиковый стаканчик...

– Вы очень меня обяжете.

Успокоенный, почти умиротворенный, я сажусь напротив Жан-Луи. Пейзаж, который его окружает, как обычно, монотонен: пиво, засаленная записная книжка и перьевая ручка в пальцах. Никаких ручек, кроме перьевых, Жан-Луи не признает, вот и сейчас перо царапает бумагу, размышления о Мод, о ком еще, от нее никуда не деться, и в гробу не спрячешься. Единственное, что я могу разглядеть, – печатные

буквы. Пародия на шрифт Palatino Linotype, но в целом выглядит неплохо.

– Привет.

– И тебе. – Жан-Луи не поднимает головы. – Это было эффектно.

– Что именно?

– Красотка в красной машине. За что тебе съездили по физиономии?

– Да так... Небольшая размолвка. Сам знаешь, как это бывает...

– Не знаю.

– Ну, когда у тебя будет своя девушка...

– Да ладно тебе, Макс. Это ведь не твоя девушка...

Хромая скотина!

Логика хромой скотины ясна мне так же, как экзистенциальные потуги авторов отечественного блокбастера «Самая обаятельная и привлекательная»: если у него ничего не получилось с целлулоидной Мод и ничего не получилось с приплюхованными продавщицами, похожими на Мод так же, как портвейн «Три семерки» похож на «Chateau Margaux» разлива 1938 года, то представить себе другого парня рядом с красоткой из «Порша» выше его сил.

– Это не твоя девушка.

– Почему не моя?

Почему бы Лоре не быть моей девушкой? Почему нет? Она в меру стервозна и в меру подбрита, чтобы быть чьей

угодно девушкой, она способна придать шарм любой из клочающих интернет-побасенок Пи, Лора – не худший вариант, совсем не худший. Красотка из «Порша». Может быть, мне так и звать ее – красотка из «Порша»?

– Почему же не моя, Лу? Думаешь, мне она не по зубам?

– Это не та девушка.

Головы Жан-Луи по-прежнему не поднимает. Сукин сын, хромая скотина! Если бы по нечесаной гриве проклятого Лу ползали сейчас насекомые, а подобие пробора сочилось кровью – я испытал бы гораздо меньший ужас. Впрочем, ужасом это тоже не назовешь – легкая оторопь, на то, чтобы взять себя в руки, и пяти секунд не понадобится.

– А есть та?

– Возможно.

Желание рассказать о Тинатин так сильно и так внезапно, что мне приходится закусить губу. Не буду я этого делать, и никто меня не заставит. Рассказать Жан-Луи о Тинатин означает только одно: самому стать Жан-Луи. Хромоножкой. Неудачником. Придурком, влюбленным в фантом. Женщины, ускользающие от нас, – суть фантомы, как утверждает онанист и поллюционер Пи, стоит ли брать в расчет ту, которая вспархивает птицей у тебя из-под ног, просачивается как вода, как песок? стоит ли брать в расчет ту, которая никогда не будет тебе принадлежать?

Проще объявить ее несуществующей. Но что тогда делать с Лорой? Ведь Лора тоже в игре.

Случайный свидетель.

Или это я – случайный свидетель?

Остается лишь определить, свидетелем чего я оказался. Свидетелем появления девушки, в которую невозможно не влюбиться? Свидетелем ее поцелуя, не похожего ни на один поцелуй? Свидетелем странных видений, последовавших за поцелуем?.. Я почти физически ощущаю, как густеет моя кровь, сейчас она почти такая же густая, как грива Жан-Луи. Почти такая же густая, как его почерк. Печатные буквы лепятся друг к другу без малейшего зазора, кирпичи в стене, да и только, какие слова ни были бы там написаны, все сводится к одному: «МодмОдмоДМод мОдмоДМодмОд-мОдДМодмОдмоДМодмОдмо Д», школьные прописи шрифтом Palatino Linotype. Мне остается только охрометь и разжиться ботинками «Кларкс», чтобы сходство с неудачником Жан-Луи было полным.

– Что ты можешь знать о девушках, Жан-Луи?

Жан-Луи наконец-то отрывается от своих писуллек, он смотрит на меня почти с состраданием: «Бедняга Макс!»

– Достаточно. Я знаю о них достаточно.

Цапаться с Жан-Луи мне совсем не хочется, иначе я вло-мил бы ему всю правду о его знаниях: они представляют собой кипу монтажных листов, стоп-кадры, снятые с видео, распечатку откровений Ромера, Риветта и «Случайно, Бальтазар». Киношные дивы так же соотносятся с реальными, как Лора соотносится с Тинатин.

– Ее зовут Тинатин. – Черт знает что, ведь я же не хотел говорить ему о Тинатин! – Прямые волосы, прямой нос и черные очки. Она носит кольцо на среднем пальце ноги. Она ангел.

Сказанное мной производит странное впечатление на Жан-Луи, как будто живехонький Лу в один момент прикинулся мертвым. Или мертвый Лу в один момент прикинулся живым. Проклятье, я не могу понять – жив он или мертв, и от этого мурашки бегут у меня по спине. Нечто подобное я видел лишь однажды: когда мой чертов папаша лишил себя жизни, собачий поводок в этом не участвовал. Наваждение длится и длится, Жан-Луи болтается между «Лу жив» и «Лу мертв», сделай же что-нибудь, Лу, определись!..

– Это и есть та девушка? – Заговорил. Наконец-то!..

– Возможно...

– Бедняга Макс!

– Ты полагаешь? – Мне совсем не нравится ни то, что говорит Жан-Луи, ни то, как он говорит. – Ты знаешь девушку по имени Тинатин, Лу?

– Я знал одну девушку по имени Тинатин. Печальная история.

– Что же это за история?

Жан-Луи чешет переносицу гребаной перьевой ручкой:

– В любом случае я не стал бы доверять девушке по имени Тинатин.

Бородатый обожатель МодмОдмОД начинает серьезно

злить меня, реплики в стиле Ромера, паузы в стиле Риветта, от всего этого ощутимо несет сдохшим ослом Бальтазаром. Тинатин – не так уж часто встречающееся имя, далеко не все фарфоровые куклы разбиваются со звоном – тинатин, вероятность столкнуться с ангелом Тинатин – 1:1 000 000, о какой печальной истории идет речь? И для кого печальной? Очевидно, для поклонников Тинатин, я тоже вписываюсь в их контекст, и потому собственное будущее рисуется мне совсем не в радужных тонах.

– Я не стал бы доверять, Макс. И тебе не советую.

– Почему?

– Она откусит тебе голову, – нервно смеется Жан-Луи.

– Очень смешно. – Я морщусь.

– Совсем не смешно.

– Свои метафоры можешь засунуть себе в жопу.

– Это не метафора. – Он больше не смеется.

– Значит, ты был с ней знаком?

– Я знал одну девушку по имени Тинатин. Только и всего.

– И остался жив? Тебе-то она не откусила голову, – улычаю Жан-Луи я.

– Я не был знаком с ней близко. Даже не целовался. Мы просто выпили с ней мохито. Печальное очарование вещей, Макс. Моно-но аварэ.

Мохито, надо же, какая срань! Пафосный ромовый коктейль с листиком мяты, *налейте его каплю мне в пупок, милый*, сказала бы Лора. Все поддается строгой расистской

классификации в духе «Полного дзэна», мохито – для Лоры, бар «Ла Бодегита», улица Эмперадо, 127, Гавана, Куба, Лора врет, что была там, хотя я точно знаю, что не была. Мохито – для Лоры и для таких, как Лора, для Жан-Луи – портяночное нефильТРованное пиво, ничего больше, **они не целовались, они просто выпили мохито**, как какие-то дешевки-тамагочи, убиться можно!..

– Мохито, – продолжает издеваться Жан-Луи. – Из пластиковых стаканчиков.

– Из пластиковых стаканчиков. Ага, – я тупо смотрю на него. – И она не откусила тебе голову даже после этого?

– Я не был знаком с ней близко.

– А хотелось?

– Я влюблен в другую женщину. Но кое-кто имел неосторожность...

Я близок к тому, чтобы садануть бородача кружкой по башке: его же кружкой с остатками пива, положение спасает Киану, возникший перед столиком прямо из воздуха – с пластиковым стаканчиком на подносе. Пластиковый стаканчик. Хит вечера.

– Ваш кофе, – говорит Киану.

– Я же просил капучино!

Вопль в пустоту, Киану уже за стойкой, как ему удастся так быстро перемещаться по залу – уму непостижимо.

– Успокойся, – увещевает меня Жан-Луи.

– Я просил капучино!

– Он не готовит капучино. Он – профессиональный бариста и профессионально готовит эспрессо. Ничего другого.

Бариста, Лора непременно залезла бы к нему в штаны, чтобы выведать секреты мастерства, Лора непременно поинтересовалась бы его мочой, **досужие языки утверждают, что у нее кофейный запах и цвет, это правда, милый? о-о, йоу!..** Бариста. Как будто это что-то объясняет. Я не могу найти объяснения ничему – откуда появилась Тинатин и почему упоминание о ней так взволновало Жан-Луи? почему Тинатин поцеловала меня? Почему она согласилась поехать с нами и почему исчезла? Я тупо смотрю в стаканчик с кофе – подлец Киану и вправду профессионал, только профессионалы могут оставлять автографы на поверхности, пенные рисунки, а то, что я вижу сейчас, – именно рисунок. Несколько рисунков. Они дрожат и меняются, накладываясь друг на друга: ушная раковина, неровный круг, имеющий отдаленное сходство со зрачком, скорчившаяся фигура – все это я уже видел, видел! В неверных, зыбких сумерках поцелуя. Стоит мне только подумать об этом, стоит мне об этом вспомнить – и стаканчик начинает плавиться прямо на глазах: одна, две, три дырки, будто прожженные сигаретой, еще и еще, кофе вытекает из стаканчика, брызжет во все стороны... ты видишь это, Лу?..

«Случайно, Бальтазар»

* * *

...Надо бы съездить домой, переодеться. Все утро я думаю об этом, о многом другом, но и об этом тоже. Надо бы съездить, привести себя в порядок, надо бы просто отоспаться, отличная идея. Голова раскалывается, трещит по швам, хотя ничего крепче пива мы с Лу не пили. Да и пива было немного.

Ночь я провел с Жан-Луи. Не в «Пирелли», из «Пирелли» мы ушли через полчаса после бесславной гибели пластикового стаканчика. Вернее, ушли мы поодиночке, сначала он, потом я, я едва не упустил Лу. И упустил бы, если бы не его хромота, оказавшаяся благословенной. Жан-Луи прихрамывает сильнее, а я бегаю быстрее, чем мне казалось, теперь даже не вспомнить, когда я так выкладывался. На стометровке в школе?

Кажется, я был чемпионом школы по бегу на сто метров.

Как сначала был чемпионом по ненависти к собственному отцу. Мне просто повезло, что я успел догнать Жан-Луи. Мне всего лишь хотелось побольше узнать о девушке, которая пьет мохито с неудачниками из видеопроката и отку-

сывает головы несчастным влюбленным («это не метафора, Макс!»).

...В почтовом ящике болтаются семь писем.

Четыре – явный спам: зарегистрируйте фирму, помощь в аудите, продажа DVD-дисков, магазин горящих путевок, Мадагаскар, Сенегал, Албания, какой дурак поедет в Албанию?.. Еще одно послание – от Рыбы без трусов.

Ruba bez trusov – Пи, увлечение постмодернизмом не прошло бесследно. Я подозреваю, что без трусов Пи выглядит гораздо экстравагантнее, чем косяк сельди в вышеозначенной детали туалета.

В письме от Пи две ссылки, «это тебя позабавит, старичок»: половые извращения в животном мире и лас-вегасская группа «Jenny's Tortures»²¹, садо-мазо-рок-н-ролл, смотреть видео, качать файлы в формате MP3.

«Загляни в наш чат “J’embrasse Pas”, и ты узнаешь такое, что навсегда изменит твою жизнь. Ты уже никогда не будешь прежним. Если в твоей жизни произошло что-то важное – загляни!!!» – тоже можно отнести к разряду спама, если это не шутки *Rubu bez trusov*, большого любителя подروحить перед монитором.

Идиот.

Раскрыть последнее письмо не удастся, глючит ссылка, к тому же я вижу Лору.

Лора, утром, в редакции, – это из ряда вон, раньше трех

²¹ Мучители Дженни (англ.).

часов она здесь не появляется, если появляется вообще. За судьбу «Порша» можно не волноваться, все закончилось благополучно, во всяком случае, для него, можно ли сказать то же самое о Лоре? Черная футболка, черные джинсы, ботинки на шнуровке, Лора даже не заглядывает в комнату, где сижу я, идет дальше по коридору. В конце коридора – место для курения.

Сигареты у меня кончились еще ночью. Придется стрелять у Пи.

Пи курит до отвращения патристическую «Яву», Яночка, секретарша г-жи Паникаровской, фатальная крашеная блондинка по кличке «хочЮмачо», – ментоловый «Вог», Лора сегодня без мундштука. Никаких дежурных объятий, никаких поцелуев, черт знает что, мы с Лорой ведем себя как тайные любовники!..

– Привет, – говорю я. Лора кивает.

– ...ончЮдо, – щебечет Яночка. – Настоящий мачо.

– У нашей Яночки новый роман, – хихикает Пи, вечный наперсник всех фатальных крашеных блондинок. – Кто он, Яночка?

– Трехскоростной вибратор, – делает предположение Лора.

Типичное противостояние стервы-брюнетки и дуры-блондинки, Лора убеждена, что вместо мозгов у секретарши все те же крашеные волосы, уложенные в несколько слоев. Яночка же пребывает в уверенности, что Лорин клитор снабжен

миниатюрными яйцами.

– Фи, какая глупость, – морщится Яночка. – Вибратор – это для тебя, Лора. Ни один приличный молодой человек к тебе и на сто метров не подойдет.

– Брейк, девочки. – Пи делает примирительный жест рукой. – И что в твоём понимании приличный молодой человек, душенька?

– Приличный – это приличный... Это... Это... – Яночка закатывает глаза, подобрать эпитет она не в состоянии.

– Это тот, который платит за интим-услуги вперед. – Теперь уже Лора закатывает глаза. – И не подкладывает тебя под своего начальника.

– Ну тебе виднее, Лора...

– Это тот, у кого ни разу не было глистов.

– Фи, какая гадость!..

Я курю Яночкин «Вог» и потому предпочитаю не вмешиваться.

– Хотите орешков, девочки? – Пацифист Пи все еще полон желания примирить стороны и даже вынимает из кармана пару грецких орехов.

– Орехи портят эмаль, – замечает Яночка. – И вообще...

– А ты, Макс? Орехи, между прочим, положительно влияют на потенцию.

– Нет... Что-то не хочется.

Герда, старая норвежка,

Рассказала мне о том,
Как сидел внутри орешка
Черт с рогами и хвостом.

Когда мама была мамой, когда она не пила разбавленное спиртом вино и не прижигала папашину щетину зажигалкой, она читала маленькому Максу этот стишок. Я до сих пор его помню, я помню его в таких inferнальных хичкоковских подробностях, и эти подробности так пугали меня когда-то, что за всю свою жизнь я не расколол ни одного ореха.

Если бы сейчас я расколол орех, из него выпал бы Жан-Луи.

...Спаривание бабочек-махаонов – первое, что я увидел в его берлоге. Отличная макрофотография, висящая на стене против входа. Есть еще одна – дальше по коридору: спаривание богомоллов, те же пугающие масштабы действия, голова самца уже оторвана. Мне легко представить на месте богомоллов Лу и Мод, себя и Тинатин я представить не могу, но, возможно, именно так выглядит страсть по Жан-Луи.

Квартира Лу состоит из комнаты и кухни, фактура стен что-то неувлочно напоминает мне. Комната почти пуста, если не считать узкой кровати, стола, стула и камина в углу. Вряд ли Жан-Луи когда-либо пользовался камином, он заложен кирпичами, кладка совсем свежая. Я видел немало каминов в недрах старого ЭсПэБэ, обычно они украшены голландскими печными изразцами – мельницы, домики с остро-

верхими крышами, как вариант танцующая парочка в сабо. Камин в комнате Жан-Луи ничего общего с мельницами не имеет, вместо изразцов – сколотый в нескольких местах пожелтевший мрамор. Полка для фотографий – вот что это такое; для фотографий, хоть и не таких масштабных, как спаривание бабочек-махаонов. Три снимка в рамках на каминной полке и фарфоровая статуэтка, господи ты боже мой, Жан-Луи похож на сентиментального толстого бюргера из Кельна, отца одной из совращенных мной немок.

У Жан-Луи нет даже телевизора, но есть еще одна комната, которую я сразу не заметил: дверь в нее плотно прикрыта. Я плююсь на дверь, подобно жене Синей Бороды, может, именно за ней Лу прячет свое истинное лицо: среднестатистическая кровать и стол со стулом могут принадлежать кому угодно. Нет даже плохонького постера с Франсуаз Фабиан – Мод, а уж его-то я надеялся увидеть в первую очередь.

– Да ты аскет, Лу!

Жан-Луи оставляет мою реплику без внимания.

– А там что? – я указываю подбородком на дверь.

– Кладовка.

Так я тебе и поверил, Лу!

– Пиво можно выпить на кухне.

Жан-Луи не очень-то гостеприимен, но ведь никто не заставлял его открывать передо мной входную дверь. Но если уж открыл... А фотографии на камине имеют такое же отношение к нему, как и спаривающиеся бабочки:

стена с одиноким окном, за ним нет ничего, кроме черноты;

фронтон какой-то лавки – то ли бакалейной, то ли чайной, выющиеся растения в кадках, выставленные на улицу, на переднем плане – велосипед: краска на раме облупилась, сквозь нее проступает ржавчина;

близкая перспектива улицы: беленые стены домов, синие двери, синие ставни, открытые террасы вторых этажей, каменные плиты мостовой тоже кажутся побеленными – все это напоминает Средиземноморье, но я не совсем уверен. В глубине кадра – там, где крылья улицы почти смыкаются, – силуэт человеческой фигуры.

Кроме призрачного силуэта на снимках нет ни единой персоналии, возможно, эти места дороги сердцу Жан-Луи, напоминают ему о чем-то важном или, наоборот, незначительном, жизнь полна незначительных вещей, они и составляют ее суть. Статуэтка, зажатая между снимками, может напомнить лишь о том, что фарфор хрупок и недолговечен, пасторальная сценка: юноша в парике и камзоле с флейтой у губ и девушка, аккомпанирующая ему на клавесине, почти все пальцы у обоих отбиты. Лучше всего сохранился мопс у ног юноши, даже хвост у него на месте. Саксонский трофей, как сказал бы Пи, такие вывозились из Германии тоннами после Второй мировой – вместе с коврами, сервизами и аккордеонами. Дед Пи тоже кое-что вывез, а двоюродный дед Пи эмигрировал в Канаду сразу после окончания бое-

вых действий. Возможно, нам всем придется эмигрировать в Канаду, всему человечеству, рассказы Пи об участии его предков во Второй мировой несколько не трогают Лору. Меня, кстати, тоже. Какая музыка льется из-под отбитых фарфоровых пальцев?

Жан-Луи знает наверняка. Но что он знает о Тинатин?..

– Расскажи мне об этой девушке. О Тинатин.

– Ты за этим пришел?

– Нетрудно догадаться, Лу.

– С чего ты взял, что я могу что-то о ней рассказать?

– Ты знаешь ее, ты даже выпивал с ней.

– Ну и что?

– И ты не был в нее влюблен.

– Это резко меняет дело, – Жан-Луи улыбается.

– Это просто меняет дело. Ты не был влюблен, значит, можешь рассказать. Только влюбленные ни на чем не могут сосредоточиться и паяют окружающим лишь о своих чувствах.

Неужели это говорю я? Впору увольняться с должности штатного кинокритика и переходить на работу в слезоточивый еженедельник для домохозяек. Рубрика «Люди и страсти» мне подойдет. Колченогий байроновский романтизм и утирание соплей всем страждущим, письма от экзальтированных мамзелей будут приходить мешками, в каждом из них – засушенные корни кровохлебки.

Rhizomata cum radicibus Sanguisorbae.

– Держись от нее подальше, Макс. Она разбила не одно

сердце.

- Ты вещал мне вовсе не о сердцах.
- Головы она тоже разбивает.
- Откусывает. Ты забыл.
- Неважно. Разбивает, откусывает – и это не метафора.
- Откусывает, как самка богомола? Во время траха?

Жан-Луи морщится. «Трах» в его словаре синонимов (33 750 слов, включая артикли, составитель – Мод) отсутствует по определению.

– Откуда у тебя эта фотография? В прихожей, там, где богомолы?

– Подарок.

– От нее?

– Нет. От одного парня, фотографа. Ее он тоже фотографировал.

Я до сих пор не уверен, об одной ли девушке мы говорим. Но пока все сходится – помертвевшее лицо Жан-Луи, когда я впервые упомянул о Тинатин, описал ее. Должно быть, мое лицо выглядело не лучше при встрече с ней.

– Вот как? Может, спишешь его адресок?

– Зачем?

– Хочу поговорить с ним, если уж из тебя ничего не вытянуть.

– Думаю, тебе вряд ли удастся поговорить.

– Это почему же?

– Его нет. Он погиб в прошлом году. Несчастный случай

на горнолыжном курорте. Где-то в Австрии. Его накрыло лавиной.

Погиб. Отлично. Одним конкурентом меньше.

– И как его звали?

– Илья. Илья Макаров.

– А снимки на камине? Тоже его?

Мне не нравится физиономия Жан-Луи, определенно. Хотя упоминание о каминных ландшафтах не вызывает у Лу той бурной реакции, какую вызвало упоминание о Тинатин: всего лишь легкая, запутавшаяся в бороде улыбка превосходства – как будто он уже успел посмотреть новый опус Ромера, а я этот опус прощелкал.

– Нет. Не его. Вырезал из журнала «Вокруг света». Люблю пейзажную лирику.

В пустой комнате Жан-Луи ни ножниц, ни журналов не просматривается, очевидно, все это добро спрятано в кладовке. За закрытой дверью.

Добраться до нее мне так и не удастся, как не удастся добраться до откровений о Тинатин. Все заканчивается сосанием пива на кухне, с шаткого табурета, на котором я сижу, хорошо видны богомолы. Временами мне кажется, что картинка оживает, лапки самца дергаются в конвульсиях – с его точки зрения смерть фотоохотника на австрийском горнолыжном курорте вовсе не кажется случайной. Если у самцов-богомолов есть свой бог, он наверняка этому поспособствовал.

Вот что напоминает мне фактура стен в квартире Жан-Луи:

скорлупу грецкого ореха.

Внешнюю ее сторону, внутренней я никогда не видел.

...Пи перекачивает орехи в руке, подобно китайским шарикам с драконами. Или с заезженным символом инь-ян, единственная разница – орехи не звенят.

– ...Вчера мы были с ним в стрип-клубе, – Яночку распирает от желания рассказать о вновь обретенном мачо. – И для нас исполнили приватный танец. Правда, романтично?

– Безумно романтично, – поддакивает Пи. – Я бы тоже исполнил для тебя приватный танец.

– Ты совсем не в моем вкусе.

– А я, милый?..

Лора, мастер провокаций, гений эпатажа, с традиционным гермафродитским «милый», с традиционным похлопыванием ладонью по первой подвернувшейся щеке, зачем Лора делает это? Туповатая секретарша влечет Лору не больше чем памятник миноносцу «Стремительный», сюжет с ней не наскребет и двух строк в «Live:-):-) journal», *намедни почесала за ушком юзеру хочи тачо. юзер хочи тачо кончила. Не единожды. Йоу!*

Да. Если бы секретарша Яночка завела страничку в «ЖЖ», она назвалась бы *хочу тачо*. Непременно. Юзер хочи тачо в отчаянии ищет юзера хуж-навзводе. юзеруре-асе-да! просьба не беспокоить и не бросать пакости в поч-

товый ящик. 7 comments от юзеров lele putin. zhora. яйго Napoleona.

– ...А я, милый?

– Ну Лора... Как ты можешь?..

Исчерпывающий ответ, Лора отделяется от нашей группы (один несчастный влюбленный, один секс-мутант и одна дурочка с переулочка), я вижу ее спину и надпись на футболке:

«J’embrasse Pas».

Понятия не имею, как произнести это вслух. Я догоняю Лору у дверей в дамский клозет, за которыми она оперативно скрывается. Плевать.

– Лора!

– Ты спутал дверь, милый, – Лора даже не оборачивается. – Отхожее место для кабальерос напротив.

Надпись на Лориной футболке влечет меня непреодолимо.

«Загляни в наш чат “J’embrassePas”, и ты узнаешь такое, что навсегда изменит твою жизнь. Ты уже никогда не будешь прежним. Если в твоей жизни произошло что-то важное – загляни!!!»

Медленно, очень медленно я приближаюсь к стоящей неподвижно Лоре и кладу обе ладони ей на спину.

– Что здесь написано, Лора?

– Где?

– У тебя на футболке.

Стриженный затылок Лоры, изученный мной еще в «Пор-

ше» – во всех подробностях и тектонических разломах, – стриженный затылок совсем рядом.

– Жембресс пас.

Мои губы уже в разломе, даже альпинистского снаряжения им не понадобилось.

– Я не целуюсь.

– Я это понял, Лора. Еще вчера.

– Жембресс пас. Я не целуюсь. Перевод с французского. Для назойливых кабальерос со спущенной мотней. Отвали. *«J’embrasse Pas»*.

Французский, конечно же. С чешскими субтитрами, именно в этом варианте я и видел *«J’embrasse Pas»*. Хваткие педикеры из провинции, крашенные проститутки без нижнего белья, но с театральными биноклями в сумочках; крашенные губы актрисульки Эммануэль Беар – плато Устюрт, затерянный мир, – их и за неделю не обскачешь; Эммануэль Беар, похожая на шлюху при синагоге, никогда мне не нравилась. Никогда, волосы Лоры снова вытягиваются в струнку. Знакомая картина, но теперь она меня несколько не удивляет.

– Отвали от меня, Макс, – шепчет Лора, вжимаясь затылком мне в рот.

– Всю эту ночь ты думала о ней...

– Отвали.

– Ты думала о ней, правда?

Если бы сейчас мне в голову пришла вздорная идея удавить Лору бретельками от лифчика – ничего бы не вышло:

лифчика на Лоре нет. И я в очередной раз поражаюсь ее соскам, таким маленьким, таким беззащитным. Они восстают под моими пальцами, интересно, как бы они реагировали на фарфоровые пальцы Тинатин?..

– Ты думала о ней. Ты и сейчас о ней думаешь.

– Так же, как и ты, милый. Так же, как и ты.

– И что же ты думаешь о ней?

– Ничего утешительного. Внебрачная дочь клоуна-чревовещателя, вот кто она такая. Пятая по счету из девяти детей.

– Тоже внебрачных?

– Возможно.

– Возможно, она держит дома ручного хорька?

– Мангуста.

– Танцует танго?

– Сальсу.

– Ест исключительно палочками?

– Руками.

– Грабила банки?

– Супермаркеты.

– Пересекла на яхте Атлантику?

– Пересекла вплавь Ла-Манш.

– Летает на метле?

– Летает просто так. Как китайский летающий воин...

Вчера Тинатин была лишь динамисткой и одинокой тварью, но за ночь ее тайная жизнь обросла новыми головокружительными подробностями. Лора и вправду постаралась,

странно, что нет и намека на гастрономические предпочтения Тинатин, Лорин конек оказался невзнузданным. Зато мне ничего не стоит обуздать ее соски. Неудобство доставляет лишь надпись на футболке «я не целуюсь», буквы кажутся рельефными, горячими, они прожигают мне грудь, не волнуйся, Лора, я и не собирался целоваться с тобой. До поцелуев можно добраться по следующим ссылкам:

- как соблазнить девушку во время просмотра мультфильма «Леди и бродяга»;

- как приготовить взрывное устройство в домашних условиях;

- как научиться правильно прерывать половой акт;

- как сказать девушке, что ты болен СПИДом;

- как сказать девушке, что ты гомосексуалист;

- как сказать девушке, что ты импотент;

- как сказать девушке, что ты предпочитаешь йоркширских овец;

- как сказать девушке, что ты предпочитаешь другую;

- как увести девушку у олигарха;

- как научиться играть на губной гармошке;

- как научиться играть в крикет;

- как зарегистрировать общественное объединение;

- как отличить албанку от хорватки;

- как отличить пингвина от утконоса;

- как найти точку G;

- как вырастить марихуану на подоконнике;

- как увеличить размер члена;
- как трахнуть девушку, чтобы она этого даже не заметила.

Ссылки действительны для поисковых систем «Яндекс», «Рамблер» и «Апорт».

Поза, в которой мы с Лорой стоим посередине дамского сортира, совершенно недвусмысленна, так что забредшей сюда секретарше Яночке остается лишь тихонько взвизгнуть:

- Ну вы даете!..
- Присоединяйся к нам. – Лора и сейчас верна себе. – Или тебе только прокладку поменять?
- Очень остроумно, – Яночка фыркает носом. – Я, пожалуй, попозже зайду.
- Пропустишь самое интересное...

Яночка хлопает дверью, и это действует на нас отрезвляюще. Я отстраняюсь от Лоры, Лора отстраняется от меня – ничего, кроме жжения в груди. Там, где должны отпечататься буквы, в зеркале они прочтутся справа налево. Почти арабский.

- Что мы будем делать, Лора?
- Мастурбировать. Каждый на своей странице. Можешь прихватить страницу Пи.
- Ты знаешь, о чем я...
- Понятия не имею.

Лора лжет: я вижу это по ее вздернутому подбородку, по

разъехавшимся губам, ее выдает оскал, Лора наверняка знает, что делать, у нее полно знакомых среди светского шакалья.

И это шакалье наверняка что-то слышало о Тинатин, а если не шакалье – то стервятники из конкурирующих СМИ, таких приятелей у Лоры тоже навалом. На моей стороне только невнятный хромоножка Жан-Луи и мертвый фотограф Макаров.

Выращивание алмазов из углеводов покойника.

Такие вещи тоже практикуются наряду с отправкой праха на околоземную орбиту, его развеиванием над побережьем Островов Зеленого Мыса, а также втягиванием остатков через нос, кокаиновая техника – впирает не по-детски, особенно если ты не католик. И не любитель рыбной ловли в устье Амазонки.

Лора покидает меня: *у меня уйма работы, милый, к тому же нужно продезинфицироваться после твоих грязных лап*; я еще несколько минут толкусь у распахнутых дверей кабинок, мы все больше становимся похожи на тайных любовников, вот и Яночка нас застучала. Кабинки женского туалета обклеены рекламными постерами: **Nike, Reebok, колготки «OMSA», TALEON CLUB, зал игровых автоматов, CRAZY FROOT, пиво за счет заведения,**

ФЛОРАНС:

Букеты

Оформление интерьеров

Подарки

Доставка

«Барабу-кафе», открыты вакансии!

«Сон Зигмунда», театральный перформанс по работе З. Фрейда «Толкование сновидений», Totale Theater Kupferblum (Австрия).

Как я мог пропустить такое!.. Тем более что в театре последний раз я был лет семь назад.

И то лишь потому, что спутал вход, нечетную сторону улицы и саму улицу.

Частные объявления на фоне унитаза тоже выглядят впечатляюще, крик души внештатников и рекламных агентов:

«Help! Жажду сменить пол, но по натуре очень стеснительный. Please! Оставьте адреса известных вам клиник, где делают подобные операции. Писать сюда и, если можно, анонимно. Аноним».

«Люблю свою собаку, особенно когда она по своей инициативе гадит под дверь соседям, которых не люблю. Вот».

«Продаю пояс шахида, б/у, в хорошем состоянии. С чулками».

«Минет. Дорого. Апартаменты».

...До обеда я шарю по Интернету в поисках сведений об Илье Макарове, фотографе. Его имя всплывает сразу на трех сайтах:

FOTO.RU

PAPARAZZI PEOPLE & INSECTS

«Люди и насекомые». Там обнаруживается уже знакомая мне задокументированная страсть богомоллов, спаривающиеся бабочки, есть и кое-что новенькое, но тоже спаривающееся: божьи коровки, лесные клопы, стрекозы на бамбуковом стебле, единственный снимок вне insects-эроса – дохлый жук в пустом бокале для бренди. Даты жизни фотографа: 1970–2003, никаких сведений о датах жизни самца-богомолла не приведено. На сайте «Paparazzi» Макаров представлен гораздо скуднее, всего-то одна лихая хреновина: Папа Римский, лапающий за грудь Чиччолину, в жизни не приходилось наблюдать такого искусного фотомонтажа!.. Подписи к нему, неизвестно кем оставленные:

«Свят, свят, свят!»

«Я знал, знал, что он старый греховодник! И куда только смотрит Мать Божья?! В отстой!»

«Трепещите, халдеи! Ище польска не сгинела!»

«А правда, что папа – перекрашенный афроамериканец?»

«Хочу такую же грудь! Хочу!!!»

«Ха-ха, видела то же самое, но с Усамой бен Ладеном и Маргарет Тэтчер! В мемориез!»

Серия пейзажей на «Foto.ru», Альпы – скорее всего? австрийские, те самые, которые убили его, серия со швейцарскими сырами, серия с парижскими клошарами, Рождество

в Ганновере, портовые склады (режимная съемка) – и никаких следов Тинатин. Вместо них я нахожу отпечаток подошвы «Кларксов» Жан-Луи: фотография чертовой статуэтки с каминной полки, юноша с флейтой, девушка у клавишина, пальцев у обоих на три больше, чем в реальности, виден и край камина, и один из снимков в рамке. Значит, покойничек, специалист по макросъемке, бывал в гостях у старины Лу. Наверняка его принимали гораздо лучше, чем меня, и – при определенных обстоятельствах – он мог сунуть нос в кладовку. И увидеть там такое, чего не увидел я. И даже сфотографировать. Но не это волнует меня, совсем не это.

Снимок.

Снимок на снимке.

Я увеличиваю его на мониторе, чтобы получше рассмотреть. Ухватить фото полностью мешает фарфоровая головка девушки, украшенная париком «помпадур», и кто только их придумал? да и фокус размыт. И тем не менее стена с окном вполне узнаваема, я хорошо ее запомнил. Стена с одиноким окном, за ним ничего нет, кроме черноты. Так, по крайней мере, снимок выглядел сегодня ночью. Но то, что я вижу на экране монитора...

В окне хорошо просматривается чей-то силуэт.

Я не могу определить, мужской он или женский, но то, что он там, не вызывает никаких сомнений. Пошло все к черту, дыши глубже, бэбик!.. Заморачиваться еще и этим себе дороже, снимок наверняка из разряда интернет-приколов,

по типу богохульного выпада против Иоанна Павла Второго. Конечно, чернота за окном устраивала меня гораздо больше, футболка Лоры с надписью «*J'embrasse Pas*» примерно такого же цвета.

Какое-то время я пытаюсь сосредоточиться на психоанализе скудоумной молодежной комедии «Добейся успеха». История жизнерадостных идиотов из группы поддержки футбольной команды, вопрос: стоило ли истреблять бизонов и сокращать популяцию индейцев навахо, чтобы в результате прийти к популяции потнющих подмышек?.. Политкорректная гимнастическая тухлятина, лучше уж купить абонемент на японских барабанщиков, лучше уж с утра до вечера пляться на китайских летающих воинов, тут Лора права.

Лора.

«*J'embrasse Pas*».

«Загляни в наш чат «*J'embrasse Pas*» и ты узнаешь такое, что навсегда изменит твою жизнь. Ты уже никогда не будешь прежним. Если в твоей жизни произошло что-то важное – загляни!!!»

Лорины штучки, я почти уверен в этом, –):-)'embrasse pas, она не только оставляет дверь открытой настежь – она кладет ключ под коврик. На всякий случай. Лорины штучки, но сомнения все еще остаются, шляться по чатам в поисках сомнительных виртуальных развлечений – это скорее в духе Пи и еще десятка редакционных мудозвонов, прибившихся к журналу только потому, что доступ в Интернет здесь неогра-

ничен. Интернет-сообщества, в которых они состоят:

русский нудист;

русский хэллоуин;

татуировки, пирсинг и шрамирование;

женщины и секс-меньшинства в политике;

клуб бойцовых рыбок;

Масяня и ее друзья;

Чикатило и его друзья;

голливудские боги;

крокодилы фермы;

автостопом по Центральной Азии.

Представить себе Лору, живо интересующуюся крокоди-
льми фермами, я не в состоянии.

Как не в состоянии представить ее трущей собственный
клитор в каком-нибудь секс-чате. Для того чтобы войти в
«*J'embrassePas*», необходимо зарегистрироваться.

Логин: lost a girl (я выбираю самый незамысловатый, но
соответствующий моменту ник «потерял девушку», я дей-
ствительно потерял Тинатин, надежда найти ее призрачна,
интересно, что по этому поводу думает Лора?)

Пароль: * * * * *

Добро пожаловать, **lost a girl**, заходи!

Черный фон – такой же, как чернота в окне на снимке,
такой же, как футболка Лоры, ты можешь воспользоваться
смайликами, **lost a girl**, – :-), –):-), –):-):-).

Не густо.

Некоторое время я вижу собственный ник, болтающийся в полном одиночестве. Чат «*J'embrasse Pas*» бешеной популярностью не пользуется, ни одна тварь не почтила его своим вниманием, кроме заполошного бэбика из журнала «Полный дзэн». Дурь какая-то. Ты приходишь на свидание вслепую, но вместо цыпочки с незабудкой в петлице обнаруживаешь пятерых свидетелей Иеговы с кружками для пожертвований. Их сменяют адепты Рона Хаббарда с плакатом: «К Богу – через дианетику!», затем шпалоукладчики в апельсиновых жилетах, затем байкеры на «харлеях», затем все разом исчезают, а цыпочки все нет и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.